

"Қазақстан және Орталық Азия тарихы институты"
жауапкершілігі шектеулі серіктестігі

Scientific Journal

"CENTRAL ASIAN COURIER"

"ОРТАЛЫҚ АЗИЯ КУРЬЕРІ"

ғылыми журналды

Научный журнал

"ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЙ КУРЬЕР"

1 № 1 (2025)

EDITOR-IN-CHIEF

Zhumatay Samat — General Director of the Institute of History of Kazakhstan and Central Asia (Kazakhstan).

Azmukhanova Aiman — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor (Kazakhstan).

Deputy Editor-in-Chief:

Cherepanov Konstantin — Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Head of the Department of the History of Kazakhstan in the 20th Century at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Committee of Science, Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan).

EDITORIAL BOARD:

Abazov Rafis — PhD, Adjunct Professor, Columbia University; Vice-Rector for International Cooperation, Kazakh National Agrarian Research University; Director, Institute for Green and Sustainable Development; Coordinator, MBA Program.

Abdyrakhmanov Tolobek — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Zhusup Balasagyn Kyrgyz State University (Kyrgyz Republic, Bishkek).

Abil Yerkin — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of History of the State CS MES RK (Kazakhstan).

Alimbay Nursan — Candidate of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Kazakhstan).

Auanasova Alima — Doctor of Historical Sciences, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University.

Diener Alexander — Doctor of Political Science, Professor, University of Kansas, (USA).

Dzhumashev Askar — Doctor of Historical Sciences, Professor, and Head of the Department of History at the Karakalpak Scientific Research Institute of Humanities – Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.

Ismagulov Orazak — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the NAS of the RK under the President of the RK, Corresponding Member of Bologna Academy of Sciences, winner of Ch.Ch. Valikhanov Award, Honored Worker of Science and Technology, Professor of L.N. Gumilyov University (Kazakhstan).

Kabuldinov Ziyabek — Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the NAS of the RK under the President of the RK, general Director of Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology SC MSHE RK (Kazakhstan).

Karasayev Gani — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Institute of State History of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Astana.

Kokebayeva Gulzhaukhar — Doctor of Historical Sciences, Professor at the Al-Farabi Kazakh National University. (Kazakhstan).

Kozhirova Svetlana — Doctor of Political Science, Professor, Co-Director of the Center for the Study of China and Central Asia of Fudan University and the International Scientific Complex of the National Company "Astana", Head of the Center for Chinese and Asian Studies (Kazakhstan).

Morrison Alexander — PhD, Professor, University of Oxford (UK).

Muminov Ashirbek — Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Research Center for Islamic History, Art and Culture IRCICA (İslâm Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi). (Istanbul, Turkey).

Outram Alan — Doctor of Archaeological Sciences, Professor of the Department of Archaeology and History, University of Exeter (Great Britain, Exeter).

Zharken Aigul — Doctor of Historical Sciences, Professor at L.N. Gumilyov Eurasian National University.

Shaydullaev Shapulat — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of the History of Uzbekistan at Termez State University.

Shinji Kato — PhD, Nara National Research Institute for Cultural Properties, Japan.

Turdaliev Cholpon — Doctor of Historical Sciences, Professor at the American University of Central Asia.

Werner Cynthia — Doctor of Historical Sciences, Professor, Texas university (USA).

Zhomart Simtikov — Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Political Science and Social-Philosophical Disciplines at Abai Kazakh National Pedagogical University.

EXECUTIVE EDITOR

Tashbaeva Kadicha — Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Archaeology at the B. Dzhangerchinov Institute of History, Archaeology and Ethnology of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic.

ACADEMIC EDITOR

Utgenov Marat — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History, Geography and Social and Humanitarian Sciences Kokshetau University named after Sh. Ualikhanov.

Mukanova Gulnar — Candidate of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher of the Astana Branch of the Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology.

TECHNICAL SECRETARY

Kopeyeva Saniya — Master's degree (Kazakhstan)

Sandybayeva Dinara — Master's degree, staff member of the Institute of the History of Kazakhstan and Central Asia (Kazakhstan)

БАС РЕДАКТОР

Жұматайұлы Самат — Қазақстан және Орталық Азия тарихы институтының бас директоры (Қазақстан).

Азмұханова Айман Махсотқызы — тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор (Қазақстан).

Бас редактордың орынбасары:

Черепанов Константин Владимирович — тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер, ҚР ҒЖБМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының ХХ ғасырдағы Қазақстан тарихы бөлімінің меңгерушісі, (Қазақстан).

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА

Абазов Рафис Фанисұлы — PhD, Колумбия университетінің адъюнкт-профессоры, Қазақ ұлттық аграрлық зерттеу университетінің халықаралық ынтымақтастық жөніндегі проректоры, Жасыл және тұрақты даму институтының директоры, MBA бағдарламасының үйлестірушісі.

Абдырахманов Толобек Әбілұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Қырғыз Республикасы Ұлттық ғылым академиясының корреспондент-мүшесі, Жүсіп Баласағын атындағы Қырғыз мемлекеттік университеті (Қырғыз Республикасы, Бішкек).

Ауанасова Әлима Мүсірқызы — тарих ғылымдарының докторы, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры.

Әбіл Еркін Аманжолұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР БҒМ ҒК Мемлекет тарихы институтының директоры. (Қазақстан).

Әлімбаев Нұрсан — тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының бас ғылыми қызметкері (Қазақстан).

Вернер Кунгһиа (Werner, Cynthia) — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Техас университеті, (АҚШ).

Дайнер Александр (Diener Alexander) — тарих ғылымдарының докторы, профессор. Канзас университеті, (АҚШ).

Джумашев Аскар Мамбетович — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Өзбекстан Республикасының Ғылым Академиясы Қарақалпақстан бөлімшесінің Қарақалпақ гуманитарлық ғылымдар зерттеу институтының Тарих бөлімі меңгерушісі.

Жаркен Айгүл Мәлікқызы — тарих ғылымдарының докторы, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университетінің профессоры.

Кожирова Светлана Басиевна — саясаттану ғылымдарының докторы, профессор, Фудан Университетінің Қытай және Орталық Азияны зерттеу орталығының мен «Астана» ХҒК бірлескен директоры (Қазақстан).

Көкебаева Гүлжауһар Какенқызы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті. (Қазақстан).

Қабылдинов Зиябек Ермұқанұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР Президентінің жанындағы ҰҒА академигі, ҚР ҒЖБМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Бас директоры (Қазақстан).

Қарасаев Ғани Мұқашұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің Мемлекет тарихы институтының бас ғылыми қызметкері, Астана қ.

Моррисон Александр (Morrison Alexander) — PhD, профессор Оксфордского университета (Великобритания).

Муминов Әшірбек Құрбанұлы — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ислам тарихы, өнер және мәдениет ғылыми-зерттеу орталығының аға ғылыми қызметкері IRCICA – İslâm Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi. (Түркия, Стамбул қ.).

Оутрам Алан — археология ғылымдарының докторы, Эксетер университетінің археология және тарих кафедрасының профессоры (Ұлыбритания, Эксетер).

Симтиков Жомарт Құдайбергенұлы — тарих ғылымдарының кандидаты, саясаттану ғылымдарының докторы, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің саясаттану және әлеуметтік-философиялық пәндер кафедрасының меңгерушісі.

Смағұлов Оразак Смағұлұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР Президентінің жанындағы ҰҒА академигі, Балон ғылым академиясының корр.-мүшесі, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы сыйлықтың лауреаты, ғылым мен техниканың еңбек сіңірген қайраткері, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің профессоры. (Астана, Қазақстан).

Турдалиева Чолпон Жапарбекқызы — тарих ғылымдарының докторы, Орталық Азиядағы Американ университетінің профессоры.

Шайдуллаев Шапулат — тарих ғылымдарының докторы, профессор, Термез мемлекеттік университетінің Өзбекстан тарихы кафедрасының меңгерушісі.

Шинджи Като — PhD, Народағы мәдени құндылықтардың ұлттық ғылыми-зерттеу институты (Жапония, Нара).

ЖАУАПТЫ РЕДАКТОР

Ташбаева Кадича Искандарқызы — тарих ғылымдарының кандидаты, Қырғыз Республикасы Ұлттық ғылым академиясы Б. Жамгерчинов атындағы Тарих, археология және этнология институтының археология бөлімінің меңгерушісі.

ҒЫЛЫМИ РЕДАКТОРЛАР

Өтегенов Марат Зеннатұлы — тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, «Ш. Уәлиханов атындағы Көкшетау университеті» КеАҚ тарих, география және әлеуметтік-гуманитарлық пәндер кафедрасының меңгерушісі.

Мұқанова Гүлнар Қайроллақызы — тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, Астана қаласындағы Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты филиалының жетекші ғылыми қызметкері.

ТЕХНИКАЛЫҚ ХАТШЫ

Копеева Сания Жұматайқызы — магистр, Қазақстан мен Орталық Азия тарихы институтының қызметкері (Қазақстан)

Сандыбаева Динара Маратқызы — магистр, Қазақстан мен Орталық Азия тарихы институтының қызметкері (Қазақстан)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Жуматай Самат — Генеральный директор Института истории Казахстана и Центральной Азии (Казахстан)

Азмуханова Айман Махсотовна — кандидат исторических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)

Заместитель главного редактора:

Черепанов Константин Владимирович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом истории Казахстана XX века Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. КН МНВО РК (Казахстан)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абазов Рафис Фанисович — PhD, адъюнкт-профессор Колумбийского университета, проректор по международному сотрудничеству Казахского национального аграрного исследовательского университета, директор Института зеленого и устойчивого развития, координатор программы МВА.

Абдырахманов Толобек Абилович — доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН КР, Кыргызский государственный университет им. Жусупа Баласагына (Кыргызская Республика, г. Бишкек).

Абиль Еркин Аманжолович — доктор исторических наук, профессор, Институт истории государства КН МНВО РК (Казахстан).

Алимбай Нурсан — кандидат исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МНВО РК (Казахстан).

Ауанасова Алима Мусировна — доктор исторических наук, профессор, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева.

Вернер Синтия (Werner Cynthia) — доктор исторических наук, профессор. Техасский университет (США).

Дайнер Александр (Diener Alexander) — доктор исторических наук, профессор. Канзасский университет (США).

Джумашев Аскар Мамбетович — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории Каракалпакского научно-исследовательского института гуманитарных наук (Каракалпакское отделение Академии наук Республики Узбекистан).

Жаркен Айгуль Маликовна — доктор исторических наук, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилёва.

Исмагулов Оразак Исмагулович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК при Президенте РК, член-корр. Болонской академии наук, лауреат премии им. Ч.Ч. Валиханова, заслуженный деятель науки и техники, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (Казахстан).

Кабульдинов Зиябек Ермуханович — доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК при Президенте РК, Генеральный директор Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МНВО РК (Казахстан).

Карасаев Гани Мукашевич — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории государства Комитета науки Министерство Науки и высшего образования Республики Казахстан, г. Астана.

Като Синдзи (Shinji Kato) — PhD, Национальный научно-исследовательский институт культурных ценностей в Наре (Япония, г. Нара).

Кожирова Светлана Басиевна — доктор политических наук, профессор, содиректор Центра исследования Китая и Центральной Азии Фуданьского Университета и МНК «Астана», руководитель Центра китайских и азиатских исследований (Казахстан).

Кокебаева Гульжаухар Какеновна — доктор исторических наук, профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби. (Казахстан).

Моррисон Александр (Morrison Alexander) — PhD, профессор Оксфордского университета (Великобритания).

Муминов Аширбек Курбанович — доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Исследовательского центра исламской истории, искусства и культуры IRCICA – İslâm Tarih, Sanat ve Kültür Araştırma Merkezi. (Турция, г. Стамбул).

Оутрам Алан — доктор археологических наук, профессор департамента археологии и истории университета Эксетере (Великобритания, г. Эксетер).

Симтиков Жомарт Кудайбергенович — кандидат исторических наук, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и социально-философских дисциплин Казахского национального педагогического университета имени Абая.

Турдалиева Чолпон Джапарбековна — доктор исторических наук, профессор Американского университета в Центральной Азии.

Шайдуллаев Шапулат — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Узбекистана Термезского государственного университета.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Ташбаева Кадича Искандаровна — кандидат исторических наук, Заведующая отделом археологии Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики.

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Утегенов Марат Зенатович — кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, заведующий кафедрой истории, географии и социально-гуманитарных наук НАО «Кокшетауский университет имени Ш. Уалиханова».

Муканова Гюльнар Кайроллиновна — кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник филиала в г. Астана Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова.

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ

Копеева Саня Жуматаевна — магистр, сотрудник Института истории Казахстана и Центральной Азии (Казахстан)

Сандыбаева Динара Маратовна — магистр, сотрудник Института истории Казахстана и Центральной Азии (Казахстан)

Published in the Republic of Kazakhstan
Scientific Journal
“Central Asian courier”
Has been issued as a journal since 2025
ISSN 3105-241X.
Vol. 1. Is. 1, pp. 181-199, 2025
Journal homepage: <https://sjacourier.com/>

FTAXP / MPHTI / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.64970/3105-241X_2025_1_1_181-199

ANALYSIS OF THE WESTERN EUROPEAN HISTORIOGRAPHY OF THE NOGAI HORDE

*Sholakhov Murat Garifullaevich*¹

¹L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Republic of Kazakhstan
PhD student

 <https://orcid.org/0009-0003-6468-9812>. E-mail: muri777@mail.ru

© Institute of History of Kazakhstan and Central Asia, 2025
© Sholakhov M., 2025

Abstract. The article offers a critical survey of Western European historiography on the Nogai Horde (19th–21st centuries). The focus is on how interpretations evolved regarding the origins of the Nogais, the nature of their political organization, and the roles of key figures (Nogai, Edigü) in the narratives of the German, British, and French schools. The analysis links the source base used (chronicles, Oriental histories,) to the formation of stable interpretations and research stereotypes. Aim and objectives. The aim is to reconstruct the evolution of Western European approaches to the Nogai Horde and to identify methodological shifts: to trace the move from personalist explanations (“Nogai’s party”) to institutional and network perspectives; to classify key themes - statehood vs. confederative structures, the role of “shadow rulers,” economic practices, and confessional factors; to relate classic works of the 19th–20th centuries to new studies of the early 21st century; to identify lacunae and set an agenda for further research. Results. A working analytical matrix is proposed along three axes: “personalities institutions,” “external internal sources,” and “military-frontier socio-economic angle”. Conclusion. Western European historiography has moved from biographism to a structural and network understanding of the steppe polity, yet retains gaps in the study of elites, religious institutions, and everyday practices. Further progress requires prosopographical registers of Nogai beys/mirzas, systematic integration of scholarship in Eastern languages, and quantitative analysis of fiscal-legal materials. The proposed matrix provides a methodological foundation for such a synthesis.

Keywords: Nogai Horde, Western European historiography, ethnogenesis of the Nogais, Manghits, Ulug Ulus, Nogai monarchs, Nogai, Edigü, Jochid Ulus, Golden Horde

Acknowledgments. This research was carried out within the framework of grant project No. AP26103999 “Comprehensive study of the history of the medieval settlement of Saraishyq”.

For citation: Sholakhov M. Analysis of the Western European historiography of the Nogai Horde // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Vol. 1. No. 1. Pp. 181-199. (In Russ.).

DOI: [10.64970/3105-241X_2025_1_1_181-199](https://doi.org/10.64970/3105-241X_2025_1_1_181-199)

НОҒАЙ ОРДАСЫНЫҢ БАТЫСЕУРОПАЛЫҚ ТАРИХНАМАСЫН ТАЛДАУ*Шолахов Мурат Гарифоллаевич¹*¹Л.Н. Гумилёв атындағы Еуразия ұлттық университеті

Астана, Қазақстан

Докторант

 <https://orcid.org/0009-0003-6468-9812>. E-mail: muri777@mail.ru

Аңдатпа. Мақалада Ноғай Ордасына қатысты Батыс Еуропа историографиясына (XIX–XXI ғғ.) сыни шолу беріледі. Назар – ноғайлардың шығу тегі, олардың саяси ұйымының табиғаты және негізгі тұлғалардың (Ноғай, Едіге) рөлі туралы түсініктердің герман, британ, және француз ғылыми мектептеріндегі өзгерісіне аударылады. Талдау пайдаланылған дереккөздік база (жылнамалар, шығыс шежірелері,) мен орныққан интерпретациялар және зерттеу стереотиптерінің қалыптасуын өзара байланыстырады. *Мақсаты мен міндеттері.* Мақсат – Ноғай Ордасына қатысты Батыс Еуропа тәсілдерінің эволюциясын реконструкциялап, әдіснамалық ығысуларды айқындау: тұлғалық түсіндірмеден («Ноғай партиясы») институттық әрі желілік көзқарасқа өтуді қадағалау; негізгі сюжеттерді жіктеу – мемлекеттік сипаты/конфедеративтілігі, «көлеңкелі билеушілердің» рөлі, экономикалық практикалар, конфессиялық факторлар; XIX–XX ғғ. классикалық еңбектерді XXI ғасырдың басындағы жаңа зерттеулермен салыстыру; олқылықтарды айқындап, әрі қарайғы ізденістердің күн тәртібін белгілеу. *Нәтижелер.* Үш осьтен тұратын талдау матрицасы ұсынылады: «тұлғалар институттар», «сыртқы ішкі дереккөздер», «әскери-шекаралық әлеуметтік-экономикалық ракурс». *Қорытынды.* Батыс Еуропа тарихнамасы биографизмнен құрылымдық және желілік түсінікке өтті, бірақ элиталарды, діни институттарды және күнделікті тәжірибелерді зерттеуде әлі де олқылықтар бар. Ілгерілеу үшін ноғай билері/мырзаларының проспекграфиялық тізбелерін жасау, шығыс тілдеріндегі зерттеулерді жүйелі интеграциялау және қаржы-құқықтық материалдарды сыни талдау қажет. Ұсынылған матрица осындай синтезге әдіснамалық негіз қалайды.

Түйін сөздер: Ноғай Ордасы, Батыс Еуропа историографиясы, ноғайлардың этногенезі, манғыттар, Ұлық Ұлыс, Ноғай, Ноғай билері, Едіге, Жошы ұлысы, Алтын Орда

Алғыс. Бұл зерттеу № AP26103999 «Сарайшық ортағасырлық қалашығының тарихын кешенді зерттеу» гранттық жобасы аясында орындалды.

Дәйексөз үшін: Шолахов М.Г. Ноғай Ордасының батысеуропалық тарихнамасын талдау // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. 181-199 бб. (Орысш.).

DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_181-199

АНАЛИЗ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НОГАЙСКОЙ ОРДЫ*Шолахов Мурат Гарифоллаевич¹*¹Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева

Астана, Казахстан

Докторант

 <https://orcid.org/0009-0003-6468-9812>. E-mail: muri777@mail.ru

Аннотация. Статья представляет критический обзор западно-европейской историографии Ногайской Орды (XIX–XXI вв.). Фокус – на том, как менялись представления о происхождении ногайцев, природе их политической организации и роли ключевых фигур (Ногай, Эдиге) в нарративах немецкой, британской, и французской школы. Анализ связывает используемую источниковую базу (летописи, ориентальные хроники,) с формированием устойчивых интерпретаций и исследовательских стереотипов. *Цели и задачи.* Цель – реконструировать

эволюцию западно-европейских подходов к Ногайской Орде и выявить методологические сдвиги. проследить переход от персоналистских объяснений («партия Ногай») к институциональному и сетевому взгляду; классифицировать ключевые сюжеты – государственность/конфедеративность, роль «теневых правителей», экономические практики, конфессиональные факторы; соотнести классические работы XIX–XX вв. с новыми исследованиями начала XXI в.; зафиксировать лакуны и задать программу дальнейших изысканий. *Результаты.* Сформулирована рабочая матрица анализа из трёх осей: «персоналии институтов», «внешние внутренние источники», «военно-приграничный социально-экономический ракурс». Заключение. Западно-европейская историография Ногайской Орды прошла путь от биографизма к структурному и сетевому пониманию степной политики, но сохраняет пробелы в изучении элит, религиозных институтов и повседневных практик. Дальнейший прогресс требует просопографических реестров ногайских биев/мурз, системной интеграции восточноязычных исследований и количественного анализа фискально-правовых материалов. Предложенная матрица задаёт методологическую основу для такого синтеза.

Ключевые слова: Ногайская Орда, западноевропейская историография, этногенез ногайцев, мангыты, Ногай, Эдиге, Улус Джучи, Золотая Орда

Благодарность: Настоящее исследование выполнено в рамках грантового проекта № AP26103999 «Комплексное изучение истории средневекового городища Сарайшык».

Для цитирования: Шолахов М.Г. Анализ западноевропейской историографии Ногайской Орды // Scientific Journal “Central Asian courier”. 2025. Т. 1. № 1. С. 181-199. (На Русс.).

DOI: 10.64970/3105-241X_2025_1_1_181-199

Введение. Западноевропейская историография Ногайской Орды формировалась в русле общей «ордынской» проблематики и на протяжении почти двух столетий демонстрирует смену объяснительных схем – от биографически-персоналистских нарративов к институционально-сетевым моделям степной власти. Уже ранние синтезы XIX века – И. фон Хаммера-Пургшталя и Г. Ховарта – задали устойчивую оптику: центральными фигурами представлялись Ногай и Эдиге, вокруг которых структурировались сюжеты дипломатии, военных коалиций и «теневого» влияния в пространстве Улуса Джучи (Hammer-Purgstall, 1840; Howorth, 1880). Французская школа первой половины XX века (R. Grousset, а также традиция, идущая от J.-E. D’Ohsson) закрепила этот ракурс, усилив внимание к взаимодействию ногайцев с соседями и к роли степных элит как автономных акторов позднесредневековой Евразии (Grousset, 1939; D’Ohsson, 1820–1824).

Во второй половине XX – начале XXI века британская и германоязычная историографии постепенно смещают фокус от «биографий сильных людей» к анализу институтов и практик: вассальных обязательств, распределения властных полномочий между ханами и беями, механизмов легитимации и правовой культуры степи. Современные работы М. Фаверо на французском материале усиливают этот тренд, предлагая рассматривать Ногайскую Орду не как «партию» при дворе, а как полицентрическую конфигурацию элит и зависимостей, где персональные авторитеты соотносятся с воспроизводимыми правилами политической игры (Favereau, 2021). При этом сохраняются устойчивые лакуны. Во-первых, дискуссии о природе ногайской государственности – «орда» как государство, конфедерация или сеть союзов – долгое время велись преимущественно в рамках внешнеполитических сюжетов, что сужало горизонт анализа внутренних институтов (судебные практики, религиозная инфраструктура, налогово-даннические механизмы). Во-вторых, просопография ногайских элит остаётся фрагментарной: множество фигур (мурзы/беи, посредники, религиозные авторитеты) фигурируют эпизодически и без сопоставимых биографических досье, что затрудняет проверку общих моделей. В-третьих, терминологические коллизии («Ulus Jūci»/«Золотая Орда», семантика слова *orda* как института/ставки/сообщества) по-прежнему порождают разночтения интерпретаций.

Материалы и методы исследования. Основанием служит корпус западноевропейских исследований XIX–XXI вв. о Ногайской Орде и шире об Улусе Джучи – монографии, статьи, книги рассматриваемые как свидетельства исследовательских установок и источниковых опор. Переводы восточных хроник и русских летописей учитываются как опосредованные свидетельства, через которые формировались интерпретации западноевропейской школы. Методика строго историческая и включает историографическую критику (выявление авторских позиций и аргументации), источниковедческую критику в историографическом ракурсе (оценка состава и обработки первичных текстов у западных авторов). Сравнительно-исторический подход для сопоставления англо-, франко- и германоязычных трактовок, проблемно-хронологический подход для отслеживания эволюции объяснительных схем от XIX к XXI вв., концептуально-терминологический анализ ключевых категорий, а также просопографический сбор сведений о ногайских элитах по западной литературе с последующей контекстуализацией в интеллектуальной среде времени и перекрёстной верификацией спорных положений. Рамки исследования сознательно ограничены историографией без картографических, археологических и статистических реконструкций, а восточная язычные работы привлекаются лишь для сверки терминологии и проверок.

Обсуждение. Западноевропейская историография темы прошла длинную дугу – от классических «синтетических» нарративов XIX – середины XX вв., где ногайцы фигурируют как эпизод в общей истории «татар» Восточной Европы, к ревизиям последних десятилетий, рассматривающим Джучидов и ногайские орды в их собственных институтах и региональных связях. В раннем каноне ключевым остаётся корпус Генри Ховорта (Howorth, 1880): масштабный, источниковедчески смелый, но методологически телеологичный; у Ховорта заметно смещение фигуры Ногая (правителя конца XIII в.) с более поздними ногайскими ордами и тенденция видеть «ногайский фактор» прежде всего как разлад и «разрушительную силу» степи. Это наследие затем транслировалось в крупных панорамных синтезах Рене Груссе (Grousset, 1939), где кочевники, в том числе ногайцы, вписаны в широкую дихотомию «номад – оседлость» и в сюжеты «заката» имперских образований степи. Эти фундаментальные труды задали канон имён и событий, но задним числом воспроизвели упрощительную картину отношений между Крымским ханством, Османами и ногайскими ордами.

Перелом обозначили англо-американские и центрально-европейские исследования конца XX – XXI вв., «снявшие» центричность московско-российской оптики и описавшие Джучидов как долговечный политико-экономический порядок. Программной стала монография Мари Фаверо (Favereau, 2021), предложившая рассматривать Орду (включая поздние ногайские конфигурации) как эластичную сеть институтов, торговли и миграций, а не «остаток империи». Точную ревизию образа «Ногай-кондотьера» предложил Дж. Р. Уилсон (Wilson, 2022; см. также его магистерскую работу: Wilson, 2021): сопоставление корпусных текстов (Jāmi' al-tawārikh, европейские хроники и др.) показывает более ограниченную, контекстно зависимую роль Ногая в политике Джучидов. Дипломатия и внешние связи институционально оставались прерогативой хана. Это смещает оптику и по отношению к позднейшим ногайским ордам: «силовое посредничество» и многоцентровая лояльность объясняются не «анархией степи», а структурой степной политики.

Из обобщающих трудов на английском языке важен корпус Тимоти Мэя (May, 2018; см. также May, 2012): энциклопедический и синтетический подход задаёт сравнительный каркас для анализа военных, административных и правовых практик, позволяющий вписать ногайские «ордовые» формы в общие джучидские институты. Для нашей темы это даёт язык описания «конфедеративной интеграции» и каналов извлечения ренты в степной экономике.

К «приграничной» ветви историографии, где ногайцы выступают акторами трансрегиональных связей, относятся исследования Дариуша Колодзейчика (Kołodziejczyk, 2011) о дипломатии Крымского ханства с Речью Посполитой и работы Брайана Дэвиса (Davies, 2007) о войне и государстве на черноморской степи в 1500–1700 гг. Эти книги

укрупняют контекст буджакских, едикульских и кубанских ногайцев — как инструмента дипломатической мобилизации и как силы, влияющей на движение границ, оборот пленников и трансформации военного налогообложения.

Более специализированные сюжеты развиты в исследованиях «чёрноморского фронта»: Дениз Кляйн (Klein, 2012) реконструирует ногайское восстание 1699–1701 гг. в Буджаке и показывает, как имперская нормотворческая повестка (Карловицкий мир, запрет набегов) конфликтовала с локальной экономикой степи; Виктор Остапчук (Ostapchuk, 2001) и Мария Иванич (Ivanics, 2013) вводят широкую документацию по османско-крымским коммуникациям, рейдам и позициям буджакских ногайцев в XVII–XVIII вв., что позволяет видеть ногайские группы не как «тень ханства», а как самостоятельные коллективные субъекты с собственной логикой расселения, промыслов и политических альянсов.

Наконец, крымско-татарская линия Алана Фишера (Fisher, 1978) важна тем, что последовательно вписывает ногайские орды в социальную ткань ханства (институты посредничества, военная служба, «степной буфер», рынки пленных), демонстрируя амбивалентность их статуса — от опорного партнёрства до источника политического давления. Эта перспектива соединяет «крымский» и «ногайский» сюжеты и остаётся рабочей рамкой для обсуждения автономии орд.

Несмотря на сдвиг к институционально тонким моделям, остаются пробелы: (1) сравнительная внутренняя история отдельных орд (Буджак, Едисан, Едикуль, Кубань) в длинном XVI–XVIII вв.; (2) правовые режимы и баланс шариата/адата в ногайской среде вне «крымского посредничества»; (3) количественные оценки влияния ногайских рейдов и торговли пленниками на демографию и хозяйство пограничий; (4) разграничение терминологии и «слоёв» понятия «ногай» (персона Ногая, ранние мангытские элиты, поздние ногайские конфедерации).

Вклад настоящего исследования формулируется так: во-первых, мы разводим фигуру Ногая конца XIII в. и поздние «ногайские» конфигурации, следуя ревизионной аргументации Уилсона (Wilson, 2022) и применяя её к нарративам XVI–XVIII вв.; во-вторых, интегрируем «крымскую» и «польско-литовскую/дунайскую» перспективы (Kołodziejczyk, 2011; Davies, 2007) для Буджак/Едисан, что позволяет реконструировать многоуровневую логику лояльностей и набеговой экономики; в-третьих, используем институциональный язык (May, 2018) и сетевой подход (Favreau, 2021) для описания каналов власти и ренты в ногайских ордах, избегая редукции к модели «перманентной нестабильности»; в-четвёртых, уточняем терминологию и источниковые «швы» классического канона (Howorth, 1880; Grousset, 1939), показывая, где позднейшая вторичная традиция создала устойчивые, но проблемные клише.

Результаты. *Этноним «Ногай» в западноевропейской историографии.* В западноевропейской историографии этноним «ногай» обычно выводят как эпоним антропонимического происхождения – от имени беклярбека Ногая. Одновременно подчёркивается его раннее и самостоятельное бытование как обычного личного имени в монгольско-тюркской ономастике. Как отмечал французский лингвист Поль Пельо, в источниках арабграфической традиции «Nogai» функционирует в двух регистрах – и как личное имя, и как позднейший этноним. Так, в «Юань ши» упомянуто не менее шестнадцати носителей имени Ногай, не считая двух случаев с «аберрантной» транскрипцией Nuqai (см. San che t'ong–Ming lou, 16, 26; 18, 86–96) (Pelliot, 1949: 73). Это свидетельствует, что «Ногай» воспринималось как обычное собственное имя – подобно распространённым у кочевников именам вроде «Батыр», «Арслан» или «Барс».

В более широком плане названия «казах», «узбек», «ногай» фиксируют переход от имперских структур монгольской эпохи к тюркским политиям раннего Нового времени, когда язык, религия и политическая ориентация складывались в новые формы коллективной идентичности.

Этноним «ногай» у Ховарта объясняется эпонимически – от имени Ногая, одного из наиболее влиятельных эмиров позднего Улуса Джучи; в ряде известий он фигурирует как близкий родственник Берке и фактический главнокомандующий его войсками (контекст продолжается и при правлении Тохты) (Howorth, 1880: 10, 127). Схожей позиции придерживается Тимоти Мэй, связывая происхождение названия Ногайской Орды с именем Ногая (May, 2012: 230). В таком ключе этноним «ногай» трактуется как производное от имени одного из сильнейших беклярбеков эпохи Тохты. Ногайская Орда предстает как политическая конфедерация, символизирующая повышенную роль института беклярбека при отсутствии собственного чингизидского центра. Это обстоятельство способствовало консолидации разнородных монгольских и тюркоязычных компонентов вокруг авторитета отдельных правителей и элитных линий; такая консолидация фиксировалась в эпонимических наименованиях племён и орд.

Шпулер отмечал что, это уже видно даже по тому, как восточные писатели отныне именуют Дашт-и Кыпчак лишь изредка как Улус Джучи или Улус Берке, но чаще как страну Узбека, а узбеки носят свое имя по той же причине, как и ногайцы от Ногая (Shpuler, 2016: 113). Один из механизмов сохранения политической и социальной жизни улуса Джучи была орда Едигея, которая после его смерти в 1419 году стала известна как Ногайская Орда. Историки не знают, как объяснить связь между названиями «Мангыт» и «Ногай». Мы не знаем, какие узы связывали мангытов с Ногаем – первым джучидским бектербегом и одной из ключевых фигур, изменивших историю Орды. Тем не менее, уравнение между мангытами и Ногайской Ордой ясно прослеживается в источниках XV века (Favereau, 2021: 369). В целом европейская историография редко учитывает позицию В. В. Трепавлова о том, что этноним «ногай» мог восходить к термину «кара-ногай» (Gribovskiy, 2019: 17). Существует и взгляд, согласно которому мангыты пришли в Улус Джучи сравнительно поздно – из Улуса Чагатая (Трепавлов, 2016: 62). Как мобильный монгольский род, мангыты не были жёстко привязаны к определённой территории или городу, поэтому могли переходить на службу к разным ханам и мигрировать вслед за политической конъюнктурой. Термин «кара-ногай» мог отражать преемственность от имени влиятельного беклярбека Ногая – что соответствует кочевой практике самообозначения по предку и именам престижных предводителей; альтернативно, он фиксирует устойчивый этноним, изначально соотносимый с монголами. По мере тюркизации значение слова «ногай» утратило ассоциации с лексемой «собака»; в исламской нормативной традиции самоназвания с уничижительным оттенком обычно порицались. Ж. Сабитов полагает, что мангыт-нойон Янджи – предок Едиге – служил беклярбеку Ногаю (Sabitov, 2018: 23–24). Подобно другим кочевым монгольским родам, мангыты могли участвовать в междоусобной борьбе и на стороне Ногая, и на стороне Тохты, причём отдельные линии рода имели разный политический вес. Уместна историческая аналогия с японским периодом Сэнгоку-дзидай: глава рода Санада Масаюки и его сын Санада Юкимура (Нобусигэ) поддержали «западную армию» Исида Мицунари, тогда как другой сын, Санада Нобуюки, – Токугава Иэясу. Ногай-хан обладал безусловным авторитетом – во многом благодаря аскетичному образу жизни, репутации воина и мудреца. Подобно ханам Узбеку и Берке, его имя могло приобрести вес как этноним. Потому гипотеза европейских историков к «абсолютизации Ногая» имеет реальную основу. То, что он мог проигрывать войны Тохте, этого не отменяет: в истории немало случаев, когда симпатии современников и потомков оказывались на стороне побеждённых. Достаточно вспомнить японские примеры – клан Такэда или Санаду Юкимуру, проигравшего в битве при Сэкигахаре, к которому продолжали испытывать стойкую симпатию как воинам.

Джэк Уилсон в статье *Nogai the Khanmaker: A Historiographical Problem* приводит Т. Мэя что он в книге *The Mongol Empire* пошёл дальше и сделал Едиге буквальным потомком Ногая, утверждая, что Едиге исполнял роль своего предка, становясь “вершителем престолов” (Wilson, 2022). Дальше Уилсон приводит опровержение Питера Джэксона что что Едиге считается предком и народным героем Ногайской Орды, подпитывал подобное отождествление. Несмотря на своё название, Ногайская Орда не имеет связи с Ногаем XIII века

и была основана сыновьями Едиге после его смерти (Wilson, 2022: 339). Такая позиция свидетельствует о том, что Едигей ценил целостность Улуса Джучи выше, чем его разделение.

Узбеки и ногайцы — пожалуй, самые известные народы, чьи этнонимы восходят к именам монгольских правителей: узбеки — к хану Өзбеку (Узбеку), ногайцы — к беклярбеку Ногаю. Корректнее трактовать происхождение этнонимов «узбеки» и «ногайцы» не как следствие «слабости самоназвания», а как результат превалирования политонима над локальными эндонимами в степной среде. В условиях многослойной идентичности (род/аймак → улус → лояльность правителю) имя харизматического центра часто становилось зонтичным ярлыком для разнородных групп. Закреплению этих епонимов способствовали: 1) практическая выгода от принадлежности к мощному политическому центру (ресурсы, безопасность, дипломатические каналы), из-за чего широкое политонимное обозначение перевешивало узкую племенную маркировку; 2) административная и дипломатическая фиксация экзонимов во внешних канцеляриях (московской, османской, крымской, бухарской), где удобный зонтичный термин быстро становился этнонимом де-факто; 3) эластичность кочевой идентичности, позволявшая маневрировать между конкурирующими центрами; 4) наслаивавшаяся тюркизация, унифицировавшая язык межполитического общения и «подтягивавшая» общие ярлыки. 5) Престиж и политический вес этнонима. Принятие зонтичного наименования типа «узбек» или «ногай» выполняло функцию символического капитала: оно сигнализировало внешним и внутренним акторам принадлежность к сильному политическому центру, повышало переговорную позицию элит, упрощало мобилизацию союзников и доступ к покровительству, легитимировало власть внутри конфедерации и оформляло её статус в дипломатической переписке. Иными словами, этноним здесь выступал не только маркировкой идентичности, но и самостоятельным ресурсом власти. Существуют и другие епонимы от джучидских линий (напр., шибан/шайбаниды), но они, как правило, обозначают династии или ветви внутри более широких общностей, а не самостоятельные устойчивые этносы.

Происхождение ногайцев в западноевропейской историографической традиции.

У Генри Ховорта ключ к объяснению происхождения ногайцев — эпонимия от имени Ногаия и вообще от имён властителей: так же, как «берке-татары» названы по Берке, «ногайцы» — ещё один пример наименования от родоначальника; отдельные «племена ногайцев», по его словам, «общеизвестно» получили названия по именам своих основателей (Howorth, 1880: 10). Одновременно он выводит ногайцев из более ранних тюркских массивов степи: печенеги, засвидетельствованные Константином Багрянородным, заняли «старую тюркскую землю по обеим сторонам Днепра» — именно тот ареал, который «в позднейшее время занимали ногайцы», откуда у него следует идея территориальной преемственности (Howorth, 1880: 4). Печенежскую основу Ховорт усиливает через «черноклобуков/каракалпаков» и мангутов: каракалпаки у него — «важная секция ногайцев» (см. гл. XII), а мангуты и каракалпаки объявляются «потомками печенегов» (Howorth, 1880: 21; 5). Наконец, Ховорт полагал, что антропологически ногайцы близки к монголам: «малый рост», «тёмная медная, иногда почти чёрная» кожа, сходство с лапландцами; при этом, по Клапроту, ногайцы «сильнее всего похожи на монголов по лицу и сложению» (Howorth, 1880: 2).

Для «каракалпаков» (важная секция ногайцев): «значительное количество волос на лице»; про предков-печенегов — «длинные бороды и большие усы»; пища — главным образом просо; любимое блюдо — *kazan djappay* (мука, запечённая с жиром) (Howorth, 1880: 5). Наблюдаемая «повышенная волосистость» может быть обусловлена длительным смешением с оседлыми и кочевыми тюркоязычными группами, а также с оседлыми ираноязычными популяциями пограничных зон. Такое объяснение допустимо как рабочая гипотеза, однако её проверка требует генетической верификации — полноценной генетической маркировки (панели SNP, Y-хромосомные и мтДНК-маркеры, а также аутомсомные компоненты) на репрезентативных выборках; описательные этнографические данные XIX века сами по себе недостаточны. Генри Хоурорт относил ногайцев к кипчакской группе по происхождению, но в антропологическом отношении описывал их как преимущественно «монголоидных»

(термин приводится как историографизм XIX века). Хоуорт был одним из первых британских историков, предпринявших систематическое исследование ногайцев в рамках многотомника *History of the Mongols*; несмотря на отдельные ошибки и последующую критику, его работа остаётся значимым вкладом в историографию темы. Ховарт строит очерк Ногайской Орды на сочетании восточных хроник, русско-византийской летописной традиции, путевых записок и филологической литературы. Для ранних этнонимических и этнографических связей (печенеги/каракалпаки ↔ ногайцы) он ссылается на Константина Багрянородного и «Нестора», дополняя их данными Ибн аль-Варди; в этом же блоке опирается на Вамбери и Страленберга для топонимии и «черноклобуков», а также на путешественников Кларка, Палласа и Клапрота (в т. ч. по письменной традиции «Jagatai/Shagaltai») (Howorth, 1880: 3–5). Для уточнения племенных соответствий и «восточной» компоненты (канглы и др.) он привлекает *Asia Polyglotta* Клапрота, материалы Шуйлера, а также Абулгази, Эрдманна, Шотта, Бретшнейдера и Ремюза (Howorth, 1880: 11, 19). Политическую историю ногайцев и «дома Ногая» Ховарт сверяет по Д'Оссону, фон Гаммер-Пургшталью и Карамзину, дополняя арабским корпусом аль-Нуайри (Howorth, 1880: 144). В главах о крымско-ногайском узле и бессарабских ордах он активно использует поздние европейские нарративы и мемуары: барона де Тотта (ключевой свидетель по административной интеграции ногайцев, мобилизационным нормам и дисциплине), Пессонеля (*Commerce du Mer Noire*), а также Лезюра, Шерера, Сенековского, де Гиня и Сент-Мартена (Howorth, 1880: 586, 594–595). В целом у кипчаков нет устойчивой «сигнатурной» Y-гаплогруппы, однозначно маркирующей их идентичность. Если гаплогруппа C3 (ныне обозначаемая как C2) обычно связывается с периодом монгольских завоеваний, то у кипчаков картина сложнее. Тем не менее можно сказать, что ногайцы по совокупности признаков ближе к кипчакской идентичности, несмотря на монгольский правящий род мангытов. Например, датский генетик Эске Виллерслев и его коллеги выявили у половцев Y-хромосомные гаплогруппы G2a-PH1780 и C2-Y11990 (Willerslev, 2018: 374). Получается, в первом приближении ногайцев корректно относить ближе к кипчакам при монгольской правящей династии (что нередко: монголы часто были правящим меньшинством). С одной стороны, ногайцы сохранили кипчакский языковой компонент; с другой — монгольские правила престолонаследия, героические эпосы и культ монгольских ханов. По выраженности «монгольского компонента» ногайцы занимают промежуточное положение между узбеками и казахами, причём у казахов он проявляется сильнее. Ногайские сообщества, сложившиеся в позднесредневековую и ранненововременную эпоху на стыке мангытских, кипчакских и иных компонентов, формировались через повторные межродовые брачные обмены; вследствие этого их фенотипический облик был гетерогенным, хотя в среднем преобладал восточноевразийский («монголоидный») компонент при заметной доле западноевразийских признаков.

Это согласуется с его общей установкой: печенеги — несомненно «тюрки», следовательно, генезис ногайцев мыслится как тюркский, печенежско-кипчакский по своему стержню (Howorth, 1880: 4–5). Наконец, лингвистически Ховарт относит ногайцев к «восточным тюркам» (диалект близок к восточнотюркским; спор о «монгольской примеси» он пересказывает и склоняется к тюркской основе), что у него подкрепляет идею об их тюркском происхождении (Howorth, 1880: 3).

Тимоти Мэй относит Ногайскую Орду к числу политий постордынского мира без правящей чингизидской династии, ставя её в один ряд с Великим княжеством Литовским и Московией. При этом отмечая, что большинство соседних государств были чингизидскими: Крымское, Казанское, Касимовское, Астраханское, Сибирское, Узбекское и Казахское ханства. Московия, по замечанию Мэя, стала крупным игроком, выполняя функции сборщика дани для монголов; монгольская поддержка была критична в противостоянии с Тверью и Новгородом. Все чингизидские государства сохраняли монгольские практики; многие из них восприняли и Московия (May, 2012: 87). Что касается мангытов, они нередко формально признавали верховенство чингизидов и поддерживали монгольские генеалогические культы; вместе с тем процессы тюркизации, вероятно, влияли на их политическую идентичность — степень и динамика этого влияния остаются предметом дискуссии.

Столица ногайцев. Западноевропейская историография лишь эпизодически рассматривает Сарайчик в контексте Ногайской Орды. Так, Мари Фаверо отмечает: «когда Токтамыш взойшёл на престол, владения мангытов простирались от Урала до Эмбы и включали важный город Сарайчук; положение на границе между владениями Бату и Орды-Ежена приносило мангытам выгоды: они принимали кочевые семьи с обеих сторон, искавшие мира и защиты на фоне междоусобиц (bulqaq)» (Favereau, 2021: 371). Й. фон Гаммер-Пургшталь упоминает Сарайчик в рамках истории Улуса Джучи, но не анализирует его специально как центр в составе Ногайской Орды. Наиболее развёрнутую интерпретацию ногайского периода Сарайчика предлагает В. В. Трепавлов. Его труды остаются ключевой опорой, к которой целесообразно обращаться и западноевропейским исследователям. При том что источники достаточно подробно фиксируют роль Сарайчика в ногайскую эпоху, в западноевропейской историографии этот сюжет освещён слабо. Добавим, что Фаверо как современная исследовательница привлекает широкий круг нарративов (включая Абулгази) для сопоставления генеалогических и политических данных по мангытско-ногайской среде (Favereau, 2021).

В XV веке Ногайская Орда испытывала воздействие ранней фазы Малого ледникового периода и общеевразийных экономических потрясений. Эти факторы ухудшали пастбищную базу и нарушали транзитные торговые связи, вследствие чего политическая активность орды была относительно низкой и преимущественно реактивной. Для западноевропейской историографии XV век в истории ногайских групп остаётся слабо разработанным: основное внимание сосредоточено на оформлении мангытско-ногайского юрта в XVI–XVII вв. и на имперской политике XVIII века. Недостаточная сохранность нарративных свидетельств XV столетия и конкуренция более «мейнстримных» сюжетов (Большая Орда, Крым, Шайбаниды) удерживают этот период на периферии исследований. Шпулер отмечал, что 3 августа 1490 г. Иван III установил отношения с ногайцами — к тому времени уже выступавшими на политической арене как сплочённый племенной союз — и их мирзой Мусой. Поскольку они обещали бороться с сыновьями Ахмата, великий князь московский воспринимал их как союзников. Действительно, в 1491 г. против Большой Орды выступило смешанное русско-ногайское войско (Shpuler, 2016: 220).

Груссе считал правящий род мангытов монгольского происхождения (мангуд из Улуса Джучи). В начале XVI в. ногайско-мангытский клан, происходивший от мангудов и вышедший из степей у низовьев Волги и Урала, закрепился в Бухаре; при астраханидах его влияние возрастало. При последнем астраханиде Абул-Гази (1758–1785) зять правителя Масум-шах Мурад стал фактическим правителем и в 1785 г. основал мангытскую династию; он пытался продвинуться к Мерву и Балху за счёт Тимур-шаха Дуррани (Балх Бухара удержала лишь с 1826 г., в 1841 г. он окончательно отошёл афганцам; Мерв остался за Бухарой). Династия правила до 1920 г.; с 1866 г. Бухара находилась под российским протекторатом (Grousset, 2012, 497).

Мари Фаверо отмечает, что ногайцы формально признали власть хана кочевых узбеков Абу-л-Хайра. «Мангыт-ногайцы покинули Абу-л-Хайра в 1450-е годы, но в начале XVI века согласились заключить союз с Мухаммадом Шайбани и поддержать его как хана, предупредив при этом, что их поддержка сохранится лишь постольку, поскольку Мухаммад Шайбани позволит им “полную свободу в государственных делах”. Будучи одной из сильнейших политических и военных сил в Поволжье-Приуралье и в Крымском регионе, мангыт-ногайцы были суверенами и “вершителями престолов”, а не вассалами. Они проводили самостоятельную внешнюю политику и тесно взаимодействовали как с русскими, так и с османами, прежде чем разделились на Большую и Малую Ногайские Орды: первая была связана с Москвой, вторая — с Османами. В своих различных формах мангыт-ногайцы оставались влиятельными силами к северу и востоку от Каспия вплоть до XVIII века, пока не были поглощены расширяющейся Российской империей.» (Favereau, 2021: 371). Ногайцы понимали, что узбеки, находившиеся на значительном удалении, не представляли непосредственной угрозы их политике. Рациональнее было признать власть далёкого хана, чем

подчиниться ближайшему чингизиду, способному ограничить их автономию. Между тем именно чингизиды на сопредельных с ногайскими ордами территориях оказывали упорное сопротивление потомкам Едиге. В перспективе ногайцам предстояло столкнуться и с потомками их прежнего сюзерена — Урус-хана, чьи наследники, образовавшие Казахское и Крымское ханство, активно расширяли свои владения.

Тимоти Мэй отмечает: «При Касым-хане (правил 1511–1518) Казахское ханство достигло своего расцвета. При его правлении к казахам присоединились и другие кочевники, в том числе несколько ногайских групп, а также найманы и аргыны из числа бывших чагатаидских могулов» (May, 2018: 93). Вероятно, часть найманов и аргынов откочевала от шибанидского круга в период исхода Керей и Жанибека. Родовые объединения, действовавшие в рамках монгольской клановой структуры, могли переходить из-под власти мангытов к различным линиям чингизидов при возникновении внутриэлитных конфликтов.

Алан Фишер, рассматривая ногайцев в контексте позднего Улуса Джучи и крымскотатарской политики, подчёркивает, что ногайцы выступали как племенное объединение Золотой Орды; до середины XVI в. их кочевые маршруты тянулись между Азовом и Астраханью. После падения Астрахани (1556) значительная их часть мигрировала в степи к северу от Крыма и в неформальном порядке признала сюзеренитет крымского хана. Внутри ногайской конфигурации выделялись несколько орд: кубанская; едичкульская (Yediçkul) севернее Крыма; буджакская (между Дунаем и Днестром); едисанская (между Днестром и Бугом); джамбойлукская (между Бугом и подступами к Крыму) (Fisher, 2022). При этом попытки Бахчисарая институционализировать контроль через присылаемых сераскеров не дали устойчивого результата: сохраняя кочевой образ жизни и автономные каналы принятия решений, ногайцы периодически оспаривали «татарское» начальство, включая случаи насилия против ханских представителей (там же: 86–87). В общей историографической перспективе Фишер полемизирует с редуционистскими трактовками советского периода (Новосельский, Якобсон), настаивая на институциональной сложности крымсконогайских связей и двойственном эффекте ногайского фактора — как опорного ресурса ханской власти и одновременно источника политического напряжения (там же).

Мухаммад-Гирей не успел воспользоваться успехами: в 1523 г. он был застигнут врасплох и убит ногайским ханом Мамаем, опустошившим Крым. В 1524 г. его брат Сахиб-Гирей вернулся в Крым из Казани, оставив там своего сына Сафа-Гирея (Grousset, 2012, 487). Астрахань раздирали соперничество крымских и ногайских ханов (район Яика/Урала), которые попеременно насаждали там своих правителей (Grousset, 2012, 485).

Груссе ошибочно полагал, что Едигей являлся основателем Ногайской Орды: при Шадибеке и Пуладе реальная власть принадлежала самому Едигею, вождю мангытской (ногайской) орды. Арабшах называет его фактическим «главой дворца». Гражданская война вспыхнула, когда новый хан Тимур отказался мириться с диктатурой Едигея (ок. 1412–1415); по версии Груссе, Тимур победил, а Едигей был убит (Grousset, 2012: 483). Однако, по исследованиям Ю. М. Почекаева, Едигей погиб от руки чингизида Кадырберди (Pochekaev, 2019: 226). Несмотря на эту фактологическую ошибку, роль Едигея действительно стала катализатором институционализации «ногайской» политики: память о нём придавала легитимность его потомкам и способствовала оформлению Ногайской Орды. По своей политической функции Едигей сопоставим с китайским канцлером Цао Цао. Возвёл марионеточного правителя, а его потомки кратковременно достигли вершины власти, но были свергнуты в междоусобицах. Ногайские бии активно вмешивались в династические дела соседей (Казани, Астрахани, Крыма), поддерживали «своих» претендентов, заключали династические браки и навязывали союзные условия; при этом внутри самой Ногайской Орды, в отличие от практики Едигея, не выдвигали «декоративного» чингизида, опираясь на собственную военно-политическую силу.

Ногайцы по левому берегу Волги в ряде эпизодов показаны как самостоятельная военная сила, признававшая и отвергавшая разных чингизидов; у Ховарта это помещено в обзоре распада «Большой Орды» (Howorth, 1880: 449).

Язык ногайцев. У Ховарта прямо сказано (со ссылкой на Клапрота), что у ногайцев «сохранились остатки старого татарского диалекта, которым они пользуются **в письме**, и который называется *Jagatai* (обычно произносят *Shagaltai*)» (Howorth, 1880: 3). Чуть выше он приводит и вариант Палласа: «...пользуются древним способом письма, также смешанным с монгольским, и называемым *Shagaltai*» (Howorth, 1880: 3). Чагатайский язык — тюркский литературный язык карлукско-уйгурской ветви. Его наименование связано с улусом Чагатая и закрепилось в позднесредневековой письменной культуре как престижная норма, широко используемая при дворах и в канцеляриях государств чингизидской традиции, что служило символическим подкреплением их политической легитимности. Факт, что имена правителей становятся именами народов и политий — как «узбеки» от Узбек-хана и «ногайцы» от Ногая, — а престижный литературный стандарт получает название «чагатайский язык», убедительно показывает идеальную ассимиляцию монголов в тюркскую среду. В позднесредневековой Евразии монгольская династическая харизма без сопротивления была принята тюркскими общинами и переоформлена в их культурных кодах. Правители чингизидской традиции действуют в тюркском языковом пространстве, элиты и население признают эти имена как свои, а сам язык власти закрепляется под династическим названием «Чагатай». Это означает, что монгольский элемент не только не вызывал у тюрков претензий, но и стал естественной частью тюркского политического и культурного порядка. «Монгольское» обеспечивало легитимность, «тюркское» — язык и повседневность, образуя единое целое без внутренних противоречий.

Среди постордынских народов ногайцы особенно выделяются глубоко развитой традицией устного эпоса, которая выполняла не только художественную, но и социально-политическую функцию.

Также про письменность ногайцев основанную на арабской письменности рассматривал Е. Allworth (Allworth, 1971: 353-355). В казахской историографии закрепился термин «Ногайлы» как собирательное обозначение постордынского этнокультурного пространства: он охватывает не только кратковременную политическую структуру Ногайской Орды (XV–XVI вв.), но и общую для казахско-ногайской среды эпическую традицию, шежиры и сеть социальных связей. Хотя Ногайская Орда как государство существовала недолго, представление о «ногайлинском мире» продолжило жить в эпосе, исторических песнях, топонимике и генеалогиях, оставив глубокий культурный след в степи. Уместна типологическая параллель с японским домом Тайра: несмотря на поражение в войне Гэмпэй (1180–1185), наследие Тайра было закреплено в литературном каноне — прежде всего в «Повести о доме Тайра» (*Heike monogatari*) — и через культурные нарративы поддержало коллективную память и формы легитимации. Аналогично «Ногайлы» как историографическая и фольклорно-литературная категория продолжил существование уже за пределами собственно государственности, обеспечивая преемственность памяти и идентичности в постордынский период.

Армия ногайцев. В крымский период: существовали «сераскиры, или генералы трёх ногайских орд» — Буджак, Едисан, Кубань; они «управляли округами, командовали их воинскими контингентами», имели собственные чиновников и диван; могли судить по тяжким делам среди крестьян и мурз (Howorth, 1880: 586; см. также подробности о доходах и повинностях у серскиров: Howorth, 1880: 611). Ногайские силы регулярно выступали как союзные контингенты в войнах Крыма: напр., Саадет-Гирей «снова призвал ногайцев и донских казаков»; в последовавшем бою «пали несколько ногайских вождей» (Howorth, 1880: 504). По сообщению барона де Тотта, дисциплина поддерживалась суровыми карами: во время польской кампании отряд ногайцев попытался уйти с добычей, чтобы избежать ханской «десятины»; за мародёрство одного ногая публично казнили, другого подвергли телесному наказанию за кощунство (Howorth, 1880: 592).

Военные конфликты. Военная активность ногайцев в позднесредневековом Причерноморье прослеживается в ряде узловых эпизодов. Уже в 1469 г. кочевые ногайские

татары выступают основной опорой Нур-Девлета в крымской смуте; в конце года он при их поддержке выбивает Менгли-Гирея из Кирк-Ера (Fisher, 2022: 66–67). В 1509 г. союз астраханского Абдул-Керима с ногайскими мурзами Агуишем, Ахмет-Али и Шидьяком предпринимает поход против Крыма, отражённый ханом; в том же контексте упомянуто посольство «Казак-султана» (личное имя, не этноним) (Howorth, 1880: 351). В 1522–1523 гг. Мухаммед-Гирей берёт Астрахань при поддержке Мамая — «князя ногайского»; происходит краткая реставрация «Большой Орды», но вскоре сам Мухаммед-Гирей убит ногаями в ставке (Howorth, 1880: 352). В 1537–1540 гг. фиксируются совместные действия крымцев и ногайцев против Руси: в 1540 г. один из отрядов (с участием ногайцев) внезапно атакует Муром, на что следует удар шах-Али по ногаям (Howorth, 1880: 402–403). В 1552–1559 гг. ногайские контингенты воюют на стороне Девлета-Гирея против Руси: хан направляет ногайцев и «князей Ширина» на Коширу; в ответной операции у Перекопа русские захватывают у ногайских отрядов до 15 000 коней (Howorth, 1880: 496). Наконец, в борьбе вокруг Астрахани после её завоевания ногайские князья, «покончив междоусобицу», выступают против Дервиша-Али и захватывают османскую артиллерию; за этим следует ликвидация ханства — стратегический излом силового баланса на Нижней Волге (Howorth, 1880: 388).

В сумме эти эпизоды демонстрируют характерную для ногайцев модель «мобильной силы» и политического арбитража между Крымом, Астраханью и Русью: они попеременно выступают в роли союзных контингентов, инициаторов ударов и «переключателей» степного баланса, однако по мере XVI в. всё глубже втягиваются в войны соседей, что ускоряет утрату самостоятельных опорных зон на Нижней Волге (Fisher, 2022: 66–67; Howorth, 1880: 351; 352; 402–403; 496; 388).

Тимоти Мэй отмечает, что в периоды мира Сибирское ханство соперничало с Казанским ханством на западных рубежах за влияние над ногайскими татарами региона; однако после падения Казани на политической сцене появился более могущественный сосед — Московское государство (Московия) (May, 2012: 89).

Конфликты Казахского ханства с ногайскими ордами можно рассматривать как отголосок внутриджучидского противостояния эпохи войны Тохты с Ногаем, но уже в существенно меньшем масштабе — без широких коалиций и многочисленных вассалов, с более локальными целями (контроль кочевых трасс, пастбищ и источников). В западноевропейской историографии этот сюжет проработан слабо: взаимодействия Ногайской Орды с казахскими улусами под руководством чингизидов-тукайтимуридов остаются на периферии исследований, тогда как основное внимание чаще уделяется Крыму, Большой Орде и шибанидскому/узбекскому направлению.

В 1523 г. ногайцы убивают Мехмеда Герая I; при Сахиб-Герее вторгаются на полуостров; в XVII в. некоторые ногайские вожди рвут связи с Крымом и предлагают признать московского царя; в конце XVIII в. Екатерина II находит среди ногайцев «абсолютную поддержку» при разрыве крымско-османских отношений. При всём этом ногайцы остаются полезны ханству: сдерживают славянскую колонизацию степи и питают невольничьи рынки пленниками. (Fisher, 2022: 87). Крымскотатарская «История Мехмеда Гирея» объясняет кризис локальной династической напряжённостью (убийство Шехбаза Гирея, соперничество братьев, роль бейских групп — ширинских мирз и Октимура) и подробно описывает уход Гази Гирея «к ногаям»; текст включает нравоучительные вставки и оговорки «как мне сказали», отражая смешение книжной и устной традиций (Klein, 2012; 132).

Политическая активность в западноевропейской историографии. Польский историк Кшиштоф Бойко рассматривает выделение Ногайской Орды как симптом распада Улуса Джучи. По его оценке, выражением существенного ослабления Золотой Орды стало отделение после 1395 г. подконтрольных Едигею (1400–1412; фактический правитель Золотой Орды), взаимодействовавшему с Тимуром, территорий между Волгой и Яиком (Уралом), на которых сложилась так называемая Ногайская Орда (Бойко, 2020: 191–192). Рамка XV в.: Астраханское ханство у Howorth — «наследник» Орды на Нижней Волге, сохранивший, в том числе, верность ногайцев (Howorth, 1880: 350). Конец XV в.: ногайские вожди активно вмешиваются

в дела Казани; около 1499 г. отряды Ямгурчи и Мусы нападают на Абдул-Латифа (Howorth, 1880: 378). Первая половина XVI в.: ногайцы выступают как ключевые контингенты в крымско-казанских и антимосковских походах; у Howorth под 1558 г. Девлет-Гирей распределяет силы: «ногайцев и князей Ширин» ведут на Коширу (Howorth, 1880: 496). 1569 г.: османско-крымская экспедиция к Астрахани; у Howorth паша Каффы с ханом и ногайцами подходит к городу, становится лагерем и закладывает деревянное укрепление; затем поход рушится (Howorth, 1880: 504). Институциональная роль ногайцев в крымской политике раннего нового времени. Howorth описывает трёх «ногайских орд» — Бужак, Едисан и Кубань — с собственными сераскирами (вице-правителями), диваном и военными контингентами (Howorth, 1880: 611). После смерти Едигея ногайская знать сохраняла самостоятельную политическую субъектность, закрепляя в памяти собственные «географии власти»: Крым назывался «страной Тохтамышша», Астрахань — «страной Тимур-Кутлуга»; уже в 1430 г. обсуждались вопросы престолонаследия (Howorth, 1880: 449). В течение XV–XVI вв. «различные орды ногайцев» неоднократно лагерями становились под Азовом, Каффой и Астраханью, участвуя в крымских операциях (Howorth, 1880: 484). Крымские ханы претендовали на верховенство над ногаями и, например, в 1551 г. разгромили Алмурзу, чтобы пресечь их продвижение к Крыму (Howorth, 1880: 487). Османский центр поддерживал такую связку: султан Сулейман велел ногаям помогать хану и заявил о даровании «короны Казани» дому Гиреев (Howorth, 1880: 489). Ногайская элита включалась и в практики политического «заложничества/воспитания»: Темрюков вместе с сыном ногайца Сумбеки обучался грамоте в Кремле (Howorth, 1880: 491). Тяжёлая зима 1557 г. разорила степи и резко сократила число боеспособных людей (Howorth, 1880: 493). В кампаниях против Москвы ногайские контингенты распределялись по направлениям (в т. ч. на Коширу), однако подвергались контрударам и оставляли позиции (Howorth, 1880: 495); одновременно в дипломатии подчёркивалась «верность ногайцев и черкесов» (Howorth, 1880: 499). Решение султана Селима идти на Астрахань в 1569 г. было принято «по наущению» ногайских, хивинских и бухарских князей и польских послов (Howorth, 1880: 503). В 1572 г. выступила «одна из крупнейших татарских армий», включавшая янычар, ногайцев и значительный парк артиллерии (Howorth, 1880: 509), тогда как русская сторона собирала соединённые силы с участием черкесов, кумыков, мордвы и ногайцев (Howorth, 1880: 511). В династических кризисах Крыма ногайский фактор оставался решающим: Мухаммед-Гирей, пытавшийся уйти «к ногаям на Волге», был настигнут и казнён (Howorth, 1880: 516); Саадет-Гирей «во главе ногайцев» занял Бахчисарай (Howorth, 1880: 519); в боях пали многие ногайские вожди, планировались совместные действия «с турками, ногайцами и русскими» против литовцев, а также совершались совместные с ногаями разорительные рейды по пограничным уездам (Howorth, 1880: 520). Наконец, неоднократно призывались «ногайцы и донские казаки», сам Саадет уходил «жить к ногаям», а ханы вынуждены были добиваться их благорасположения (Howorth, 1880: 521).

Как отмечает Тимоти Мэй, после разгрома Ермаком и утраты Кашлыка сибирский хан Кучум бежал на ногайские земли, где и скончался (May, 2012: 90)

Для Каботянского исследовательская проблема состоит в недостаточной проработке роли ногайцев в аннексии Крыма; базовым ориентиром остаётся Фишер, но его подход требует критического обновления (Kabotyanski, 2015: 6). Каботянский признаёт Алана Фишера «безусловно главным специалистом» по теме: его монография 1970 г. остаётся авторитетной; опора на богатый комплекс русских, крымских и османских источников; ногайские орды занимают ключевое место в его повествовании; сам Фишер подчёркивал, что прежние исследования «игнорировали ногайцев, а они были главным фактором в упадке ханства». (Kabotyanski, 2015: 6). Он предлагает аналитическую рамку «приграничной стратегии»: ногайские лидеры сознательно играли на соперничестве империй ради материальной выгоды, защиты и внутренней автономии (включая культурно-религиозную «аккомодацию» их синкретического ислама); успех российской политики объясняется опорой на традиционные практики степной дипломатии, переупакованные в риторику Просвещения

(Kabotyanski, 2015: 6). Внутри ханства ногайцы обладали структурным весом: по оценке, на них приходилось около 40% «заявленного» населения, а также почти вся территория за пределами полуострова (Kabotyanski, 2015: 4). Ключевой тезис работы — их восстания и смены лояльности были одним из решающих факторов, подтолкнувших Россию к аннексии: «не будет преувеличением» говорить о pivotal role ногайских орд; сама аннексия стала прямой реакцией на второе восстание против Шахина Гирея, а её итогом стало разрушение ногайского уклада (Kabotyanski, 2015: 69; 76). С одной стороны, с позиций классической шариатской доктрины восстание против признанного амира считается недопустимым; соответственно, ногайские выступления можно трактовать как нарушение общественного порядка и шерти. С другой стороны, имеющийся корпус источников не позволяет восстановить всю мотивацию и контекст решений, поэтому мы лишь абстрактно моделируем возможные сценарии поведения элит, сопоставляя правовые нормы (шариат, канун, тѐре) с практикой приграничной политики. После подавления восстания 1701 г. султанский указ велел «держаться шариата» и отказаться от «ужасного обычая, называемого тѐре»; крымский автор клеймил ногайцев как нарушителей шариата и нововведенцев (bid'at), что в османском контексте считалось тяжким проступком (кадизаделийская критика) (Kabotyanski, 2015: 28). Уровень богословских знаний в ногайской среде, по-видимому, был сопоставим с казахским и оставался относительно ограниченным с точки зрения институционального ислама (небольшое число мадрас, кадийатов и профессиональных улемов), при том что самосознание ногайцев было подчёркнуто «правоверным».

Как отмечает Kabotyanski, многие исследования повторяют имперские объяснения и называют кочевников «иррациональными», хотя они действовали осмысленно и расчётливо (Kabotyanski, 2015: 6).

Вопросы религиозной культуры ногайцев и казахов поднимает Д. Шомфай-Кара в статье *Baba Tükli and the Swan Girl: Legitimising Elements in the Turkic Epic Edige*, где отмечается, что элементы суфизма прослеживаются не только в религиозных практиках, но и во фольклоре наряду с рядом доисламских представлений (Somfai Kara, 2010: 127). Ислам заметно трансформировал религиозно-нормативные представления ногайцев: религиозная легитимация (шариат, авторитет авлия/суфийских шейхов) нередко воспринималась как более весомый источник власти, чем одна лишь харизма чингизидского происхождения. При этом институциональная база учёного ислама у ногайских орд была относительно слабо развита по сравнению с оседлыми центрами (ограниченное число мадрас, кадийских судов, профессиональных улемов). Этот дефицит частично компенсировали жырау: оставаясь прежде всего хранителями эпоса и общественными коммуникаторами, они выполняли функции популяризации норм и политической мобилизации, не подменяя улемов в сфере фикха и богословия. С одной стороны относительная «слабость» институционального ислама у ногайцев была обусловлена структурными особенностями кочевого уклада и настороженным отношением к нововведениям и реформам: общины не стремились радикально менять привычный образ жизни. Это затрудняло формирование устойчивой сети теологических институтов (мадрас, кадийатов) и подготовку корпуса улемов. Попытки компенсировать этот дефицит предпринимались отдельными лидерами — например, мирзой Исмаилом, рассчитывавшим при поддержке Москвы основать стационарный городской центр.

Падение Ногайской Орды. После калмыцкого давления в XVII в. значительная часть кочевых астраханских татар — составной части ногайского массива — либо слилась с калмыками, либо примкнула к крымским и кубанским татарам, киргиз-казакам и башкирам; лишь немногочисленные группы сохранялись в Ногайской степи к Кизляру (Howorth, 1880: 388). Одновременно буджакская, едисанская и кубанская орды были институционально встроены в крымско-османское пространство (с собственными сераскирами и диванами), что ускоряло политическое и культурное растворение ногайцев (Howorth, 1880: 611). Несмотря на смешанный этногенез, историческая траектория ногайцев в Новое время в целом повторила «кипчакский» сценарий: распыление и ассимиляция в соседних массивах. Ногайская Орда во многом оказалась в сходном географическом положении с кипчаками. у ногайцев не было

присырдарьинских городских опор и ирригационных центров. На севере располагалась Россия, относительно менее уязвимая к последствиям Малого ледникового периода благодаря устойчивым оседлым хозяйственным структурам, тогда как кочевое население степи — прежде всего ногайцы — оставалось практически полностью зависимым от климатических колебаний.

Ногайцы в Крымском ханстве. В административном отношении «четыре большие бессарабские орды» ногайцев были институционально встроены в крымско-османскую систему: две из них обычно управлялись сераскирами из дома Гиреев. Попытка Хаким-хана протолкнуть собственных сыновей на эти должности на фоне продовольственного кризиса в Константинополе вызвала волнения среди «ногайцев Дженджена»; 21 октября 1758 г. из Порты последовал приказ о смещении Хаким-хана (Howorth, 1880: 583–584). Налоговая политика усиливала напряжение: Порта изыкала в свою пользу хлебный налог *Ishetirach*, который платили орды Едисан и Джамбулек; де Тотт при этом фиксирует повседневность «дома сераскира у ногайцев» и характерный степной эскорт с передовыми и тыловыми дозорами (Howorth, 1880: 586). Мобилизационные практики были стандартизированы: «с каждых восьми дворов — три всадника»; развёртывались три армии со сборным пунктом в Томбашаре; к главной армии придавались Едисан и Буджак; хан выступил из Каушана 7 января 1769 г. (Howorth, 1880: 589–590). Дисциплина поддерживалась суровыми карами: в польском походе 1769 г. одного ногайца казнили за мародёрство (попытку уйти с добычей, минуя ханскую десятину), другого наказали за кощунство (Howorth, 1880: 592).

Точно так же калмыки были вынуждены отражать давление со стороны русских, крымских татар, а позднее и казахов, и имели под своим контролем множество ногайских татар-подданных. Эти подданные всегда были готовы заключить союз с крымскими татарами для нападений на своих мусульманских ногайских сюзеренов — калмыков (Sneath, Kaplonski, 2010: 624–625). В XIV–XV веках возникли могущественные династии кюрегенов (зятьёв), которые объединяли статус зятя правящей династии с контролем над кешигом (личной гвардией) и/или военной силой, чтобы ограничить власть хана. В разных формах эта тенденция проявлялась у ойратов, тимуридов, мангытов/ногайцев, а также в Крымском ханстве (Sneath, Kaplonski, 2010: 621).

Необычную функцию как буфера ногайцев представил Алан Фишер писавший что их структурная «полезность» для ханства носила амбивалентный характер: как степной буфер они препятствовали возникновению устойчивых славянских поселений, а в качестве военного ресурса и торгово-налётной инфраструктуры подпитывали крымские невольничьи рынки пленниками — важный элемент экономики и дипломатии выкупа раннемодеิร์นного Причерноморья (Fisher, 2022: 86).

Ногайские орды выступали для крымскотатарской государственности колеблющейся периферией: их военная мощь и мобильность попеременно усиливали и подтачивали власть хана (Fisher, 2022: 86–87). В 1523 г. убийство Мехмеда I Герая со стороны ногайцев выявило отсутствие у ханства устойчивой монополии на насилие; в правление Сахиб-Герая (1532–1551) ногайские вторжения на полуостров подтвердили ограниченность административного контроля и неэффективность попыток «встроить» орды через назначаемых представителей (Fisher, 2022 там же: 86). В XVII в. часть ногайских вождей демонстрировала готовность признать московского государя, пользуясь конкуренцией Бахчисарая, Порты и Москвы как ресурсом пограничного брокерства (там же: 87). К концу XVIII в. именно среди ногайцев Екатерина II нашла «абсолютную поддержку» в разрыве крымско-османских связей, что сделало их инструментом внешней реорганизации крымского суверенитета (Fisher, 2022: 86). При этом структурная «полезность» ногайцев для ханства оставалась амбивалентной: как степной буфер они тормозили продвижение земледельческой колонизации, а как военный и рейдовый ресурс подпитывали рынки пленников и систему выкупов Причерноморья, однако высокая автономия орд неизбежно порождала периоды несогласованных с Бахчисараем действий (Fisher, 2022: 86–87).

Казахская поговорка «Қарғайын десем — жалғызымсың, қарғамайын десем — жалмауызымсың» (перевод: «Отругаю — ведь ты у меня один; не отругаю — станешь жалмауызом (пожирателем)») метафорически передаёт сложный характер отношений крымских ханов с ногайскими ордами. Ногайцы выступали значимой степной военной силой и опорным партнёром на рубежах ханства; вместе с тем, сохраняя заметную автономию, они периодически предпринимали самостоятельные действия, не всегда совпадавшие с политическими установками Бахчисарая. Как писал немецкий историк Дениз Кляйн кочевые скотоводы пограничных зон, регулярно совершавшие набеги, чья мобильность выходила за политические границы ханства (Klein, 2012; 5). После Карловицкого мира 1699 года османские власти запретили ногайские набеги и велели буджакским ногаям переселиться, что вызвало открытое недовольство; к мятежникам присоединился нурэддин Гази Гирей. Сначала крымский хан и султан пытались уладить дело миром, затем прибегли к силе. В 1701 году повстанцы капитулировали, а Гази Гирея арестовали и сослали на Родос. Кляйн (2012; 126). Ногайские мурзы стали главной военной силой Крымского ханства и одновременно его главной проблемой. Позднее ногайцы перестали быть для казахов чингизидов постоянной «головной болью», но для династии Гиреев по-прежнему оставались важной опорой военной мощи и конфликтов. Схожим было и положение мангытских каракалпаков. Будучи вассалами Казахского ханства, они зависели от его политической конъюнктуры, тогда как в узбекских государствах их статус был ещё ниже. Ногайские каракалпаки, в отличие от ногайцев в Крымском ханстве, не демонстрировали сопоставимой степени институциональной интеграции в структуры Казахского ханства и отличались существенно меньшим военным потенциалом. Это во многом объяснялось узкой демографической базой. Их численность и мобилизационные ресурсы уступали даже одному крупному племенно-родовому объединению Младшего жуза казахов, что ограничивало их включённость в ханские институты и способность поддерживать длительные военные коалиции.

Во второй половине XV–XVI вв. в политической элите мангытов проявлялись признаки кадрово-интеллектуального дефицита (ослабление институтов коллективного совета, персонализм локальных мирз, конкуренция родовых линий). Это влекло фрагментацию командования и падение строевой и походной дисциплины: военные действия нередко велись разрозненными туменами и отрядами, координация ухудшалась, и войско всё меньше соответствовало «имперским» стандартам эпохи Чингисхана. Для сравнения, ойратские конфедерации — даже без опоры на чингизидскую легитимацию — поддерживали высокую внутриплеменную дисциплину и мобилизационную управляемость. Геостратегические условия также резко различались: Джунгария располагалась в естественно укрепленном ареале (хребты Тянь-Шаня, Джунгарского Алатау и Алтая, узкие проходы вроде Джунгарских ворот и Тарбагатай) с системой природных барьеров, облегчавших оборону и контроль сезонных путей. Ногайские улусы, напротив, тянулись по открытым равнинным пространствам Прикаспия, междуречья Волги и Яика (Урала) и степей Северного Кавказа, практически лишённых крупных естественных преград, что делало их уязвимыми к многовекторному давлению соседей и затрудняло долгосрочную мобилизацию и удержание стратегических рубежей.

Улус Джучи породил широкий спектр фрагментированных политий, что формально напоминает японскую эпоху Сэнгоку-дзидай. Однако траектории интеграции различались принципиально. В Японии объединение завершилось созданием единого сёгуната Токугавы благодаря компактной островной географии, высокой плотности узлов контроля (замки-города, дорожные артерии), относительной изоляции от внешних вмешательств и концентрации ресурсов у немногих военных домов. Постордынские же государства не существовали в «островных» условиях: они были разбросаны по колоссальным евразийским пространствам, разделённым степями, пустынями и междуречьями, испытывали многовекторное давление соседей (Московия, Литва, Крым, Османы, Иран, и др.), зависели от подвижных пастбищ и нестабильных транзитных путей. В этой среде ногайские объединения мангытов, лишённые чингизидской сакральной легитимации, неизбежно сталкивались с

системным сопротивлением чингизидских домов (прежде всего Гиреев в Крыму, Шибанидов/Сибирских линий, а на востоке — потомков Урус-хана в Казахском ханстве). Это противодействие, дополняя экологические и геостратегические ограничения, ускорило дробление, смену коалиций и институциональные мутации и тем самым затрудняло долговременную централизацию по «японскому» образцу.

Выводы. Мангытские вожди трезво оценивали долгосрочную перспективу. Чингизиды не признают их верховной власти и будут стремиться к их устранению. Показателен пример Едигея. Несмотря на династические браки (выдавая дочерей за ханов) и попытки договориться, устойчивого примирения достигнуто не было, против него неоднократно предпринимались покушения. В итоге мангытская элита последовательно дистанцировалась от чингизидского центра, выстраивая собственные механизмы легитимации и автономного управления. После этой развязки мангытская элита шаг за шагом дистанцировалась от чингизидского центра как источника собственной легитимации: вместо поиска «своего» хана она стала опираться на автономные ресурсы — контроль степных маршрутов и кочевий, систему военной мобилизации, клиентелу и брачные связи с соседними домами. В течение XV–XVI вв. это привело к оформлению устойчивой ногайской политики без «домашнего» чингизидского ядра: мангытские бии предпочитали влиять на династические процессы в соседних ханствах (Казань, Астрахань, Крым), поддерживая «своих» претендентов и заключая союзы, но внутри собственной конфигурации легитимировались за счёт силы, сетей и памяти о предках, а не через выдвижение декоративного чингизида. Такой поворот от «регентства при хане» к самостоятельной конфедеративной модели объясняет, почему мангытская власть оказалась жизнеспособной и без прямого оперттия на династическую харизму Чингизидов.

Западноевропейская историография Ногайской Орды по-прежнему тяготеет к канону, сформированному на материалах русских и османских архивов, что воспроизводит импероцентричную оптику и оставляет «немые зоны» — прежде всего XV век, восточные связи мангытов и роль Сарайчика. В новейших работах замечен методологический сдвиг: от клише о «нестабильности кочевников» к трактовке ногайской политики как рациональной стратегии пограничья (торг автономии, безопасности и религиозно-правовых гарантий), но религия и право (шариат/канун/тёре, суфийские практики) всё ещё недостаточно используются как объяснительные переменные. Геостратегия открытой степи и экологическая волатильность почти не интегрированы в политические модели, вследствие чего хроническое дробление и слабая централизация описываются главным образом через персоналии, а не через структуру. Внутренняя динамика элит — механизмы советования, наследования, дисциплины и межродовой координации — остаётся фрагментарно освещённой на фоне лучше разработанных сюжетов кооптации мирз и «вершительства престолов». Требуется де-империализация источниковой базы (системное вовлечение тюрко-персидских корпусов и региональной археологии), переоценка религиозно-правовых режимов как драйвера лояльностей и целенаправленная реконструкция XV века. Без закрытия этих лакун реконструкция политической логики ногайцев в западноевропейской литературе остаётся неполной и методологически уязвимой. Западноевропейский корпус по ногайской проблематике демонстрирует переход от ранних синтетических реконструкций к источниково выверенным ревизиям: базовым массивом ранней традиции остаётся труд Генри Ховорта (Howorth, 1880), важный как обширный свод нарративных свидетельств и генеалогий, особенно там, где анализируется эпонимия этнонима «ногай», линии печенежско-каракалпакской преемственности и ранние фиксации мангытов. В книге его данные целесообразно использовать в разделах о происхождении названия, о терминологическом слое «ногай/мангыт» и при разборе эпизодов астраханско-крымских кампаний — с обязательной сверкой по позднейшим работам. Западноевропейская историография «ногайского вопроса» сместилась от панорамных схем кочевой истории к институционально-сетевым моделям: от макросинтезов, где ногайцы вписывались в сюжет «заката» степных империй (Grousset, 1939/1970), к трактовке ногайских орд как конфедеративных акторов с собственной логикой

мобилизации, транзитной экономики и режимов легитимации (Favereau, 2021; May, 2012; May, 2018). В этой рамке «ногайский фактор» предстает не периферией, а посредником сил на евразийском фронте, чья автономия одновременно усиливала соседние центры и ограничивала их монополию на насилие; крымско-татарский контекст демонстрирует эту амбивалентность особенно наглядно (Fisher, 1978/2022). Ревизия образа Ногай как «кханмейкера» возвращает объяснение от персоналистских гиперболических институтов джучидской власти и многоцентровой лояльности (Wilson, 2022). Военная история Причерноморья подтверждает, что динамика набегов, буферных функций и дипломатических связей определяла политическую повестку региона в XVI–XVII вв., в которой ногаи выступали ключевыми брокерами (Davies, 2007).

Литература

- Allworth, 1971 — *Эдвард Олворт*. Национальности Советского Востока. Публикации и системы письма. Нью-Йорк; Лондон, 1971, с. 353–355.
- Bojko, 2020 — *Кишиштоф Бойко*. «Польша и Монгольская империя, а также Золотая Орда в 1241–1502 годах». Перспективы культуры, 31(4), 2020, с. 169–206.
- Davies, 2007 — *Брайан Л. Дэвис*. Война, государство и общество на Черноморской степи, 1500–1700. Routledge.
- Favereau, 2021 — *Мари Фавро*. Орда: Как монголы изменили мир. Belknap Press of Harvard University Press.
- Fisher, 1978 — *Алан У. Фишер*. Крымские татары. Hoover Institution Press. «Крымские татары» / пер. Л.С. Сейтхалиловой, А. Ю. Алиевой. Крымское историческое обозрение, 9(1), 2022, с. 58–114.
- Gribovskiy, 2019 — *В.В. Грибовский*. «Концепция волшебной сказки В. Я. Проппа и проблема историзма ногайского эпоса». В: Материалы III междунар. науч.-практ. конф. «Ногайцы XXI век...» Черкесск: КЧИГИ; Карачаевск: КЧГУ, 2019, с. 7–21.
- Grousset, 1970 — *Рене Груссе*. Империя степей: История Центральной Азии (пер. Н. Уолфорд). Rutgers University Press. (Оригинал опубликован в 1939).
- Grousset, 2012 — *Рене Груссе*. Империя степей. История Центральной Азии. Казань: Слово, 2012 (пер. с фр. В. Мирзаянова).
- Howorth, 1880 — *Генри Х. Хауорт*. История монголов с IX по XIX век. Часть II: Так называемые татары России и Центральной Азии. Раздел I. Longmans, Green, and Co.
- Ivanics, 2013 — *Мария Иванич*. Военное сотрудничество Крымского ханства с Османской империей в XVI–XVII веках. В: Г. Карман, Л. Кунчевич (ред.), Европейские податные государства Османской империи в XVI–XVII веках (с. 275–299).
- Brill. Ivanics, 2022 — *Мария Иванич*. Дипломатическая деятельность Крымского ханства и её экономические последствия в Восточно-Центральной Европе в XVI–XVIII веках. Golden Horde Review, 10(1), 118–153.
- Klein, 2012 — *Дениз Кляйн*. Татарская и османская историография: Случай ногайского восстания (1699–1701). В: Д. Кляйн (ред.), Крымское ханство между Востоком и Западом (XV–XVIII века) (с. 125–146).
- Narrasowitz. Kołodziejczyk, 2000 — *Дариуш Колодзейчик*. Османско-польские дипломатические отношения (XV–XVIII века): Аннотированное издание договоров и других документов.
- Hammer-Purgstall, 1840 — *Joseph von Hammer-Purgstall*. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth; C. A. Hartleben's Verlag, 1840, 684 pp
- Brill. Kołodziejczyk, 2011 — *Дариуш Колодзейчик*. Крымское ханство и Польско-Литовское государство: Международная дипломатия на европейской периферии (XV–XVIII века). Исследование мирных договоров с аннотированными документами.
- Brill. May, 2012 — *Тимоти Мэй*. Монгольские завоевания в мировой истории. Reaktion Books.
- May, 2018 — *Тимоти Мэй*. Монгольская империя. Edinburgh University Press. Ostarчук, 1982 — Виктор Остапчук. Публикация документов о Крымском ханстве в Топкапы Сарай: Новые источники по истории Черноморского бассейна. Harvard Ukrainian Studies, 6, 500–528.
- Ostarчук, 1987 — *Виктор Остапчук*. Публикация документов о Крымском ханстве в Топкапы Сарай: Документальное наследие крымско-османских отношений. Turcsica, 19, 247–276.
- Ostarчук, 2001 — *Виктор Остапчук*. Человеческий ландшафт Османского Черноморья перед лицом казачьих морских набегов. Oriente Moderno, n.s. 20(1), 23–95.
- Росчекаев, 2019 — *Р.Ю. Росчекаев*. Цари ордынские: Биографии ханов и правителей Золотой Орды. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Евразия.
- Pelliot, 1949 — *Поль Пеллио*. Заметки по истории Золотой Орды: с добавлением некоторых тюркских имен людей и народов, оканчивающихся на «-ар». Париж: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1949. (Серия: Посмертные труды Поля Пеллио, т. II; ред. и предисловие — Луи Амбис).
- Sabitov, 2018 — *Ж.М. Сабитов*. «Откуда появился этноним ногай?» Уроки истории, № 2(18), Астана, 2018, с. 19–26.
- Shpuler, 2016 — *ШпULER Б.* Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / пер. с нем. и коммент. М.С. Гагина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 500 с. ISBN 978-5-94981-220-4.
- Sneath, Kaplonski, 2010 — *Дэвид Снит, Кристофер Каплонски* (ред.). История Монголии. Folkestone (UK): Global Oriental.
- Somfai Kara, 2010 — *Даниэль Шомфай Кара*. «Баба Тюкли и девушка-лебедь: Легитимизирующие элементы в тюркском эпосе Эдиге». Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, 63(2), 2010, с. 117–132.
- Willerslev et al., 2018 — *Эске Виллерслев, Кристиан Кристиансен, Эвелин Хейер, Мартин Сикора, Расмус Нильсен*. «137 древних человеческих геномов из евразийских степей». Nature, 557(7705), 2018, с. 369–374.

Wilson, 2022 — *Джек Р. Уилсон*. «Роль ногаев в Золотой Орде: Переоценка». *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 75(4), 609–637.

Wilson, 2022 — *Джек Р. Уилсон*. «Ногай — создатель ханов: Историкографическая проблема». *Golden Horde Review*, 10(2), 332–343.

References

Allworth, 1971 — *Edward Allworth*. *Nationalities of the Soviet East. Publications and Writing Systems*. New York; London, 1971, pp. 353–355.

Bojko, 2020 — *Krzysztof Bojko*. “Polska a imperium mongolskie oraz Złota Orda w latach 1241–1502”. *Perspektywy Kultury*, 31(4), 2020, pp. 169–206.

Davies, 2007 — *Brian L. Davies*. *Warfare, State and Society on the Black Sea Steppe, 1500–1700*. Routledge.

Favereau, 2021 — *Marie Favereau*. *The Horde: How the Mongols Changed the World*. Belknap Press of Harvard University Press.

Fisher, 1978 — *Alan W. Fisher*. *The Crimean Tatars*. Hoover Institution Press.

Fisher, 2022 — *Алан У. Фишер*. «Крымские татары» / пер. Л. С. Сейтхалиловой, А. Ю. Алиевой. Крымское историческое обозрение, 9(1), 2022, с. 58–114.

Gribovskiy, 2019 — *В.В. Грибовский*. «Концепция волшебной сказки В. Я. Проппа и проблема историзма ногайского эпоса». В: *Материалы III междунар. науч.-практ. конф. «Ногайцы XXI век...»* Черкесск: КЧИГИ; Карачаевск: КЧГУ, 2019, с. 7–21.

Grousset, 1970 — *René Grousset*. *The Empire of the Steppes: A History of Central Asia* (N. Walford, Trans.). Rutgers University Press. (Original work published 1939).

Grousset, 2012 — *Рене Груссе*. *Империя степей. История Центральной Азии*. Казань: Слово, 2012 (пер. с фр. В. Мирзаянова).

Hammer-Purgstall, 1840 — *Joseph von Hammer-Purgstall*. *Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth; C.A. Hartleben's Verlag, 1840, 684 pp

Howorth, 1880 — *Henry H. Howorth*. *History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. Part II: The So-Called Tartars of Russia and Central Asia. Division I*. Longmans, Green, and Co.

Ivanics, 2013 — *Mária Ivanics*. *The Military Co-operation of the Crimean Khanate with the Ottoman Empire in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. In G. Kármán & L. Kunčević (eds.), *The European Tributary States of the Ottoman Empire in the Sixteenth and Seventeenth Centuries* (pp. 275–299). Brill.

Ivanics, 2022 — *Mária Ivanics*. *The Diplomatic Activity of the Crimean Khanate and Its Economic Consequences in East-Central Europe in the 16th–18th centuries*. *Golden Horde Review*, 10(1), 118–153.

Klein, 2012 — *Denise Klein*. *Tatar and Ottoman History Writing: The Case of the Nogay Rebellion (1699–1701)*. In D. Klein (ed.), *The Crimean Khanate between East and West (15th–18th Century)* (pp. 125–146). Harrassowitz.

Kołodziejczyk, 2000 — *Dariusz Kołodziejczyk*. *Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th–18th Century): An Annotated Edition of 'Ahdnames and Other Documents*. Brill.

Kołodziejczyk, 2011 — *Dariusz Kołodziejczyk*. *The Crimean Khanate and Poland–Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th Century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents*. Brill.

May, 2012 — *Timothy May*. *The Mongol Conquests in World History*. Reaktion Books.

May, 2018 — *Timothy May*. *The Mongol Empire*. Edinburgh University Press.

Ostapchuk, 1982 — *Victor Ostapchuk*. *The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapı Sarayı: New Sources for the History of the Black Sea Basin*. *Harvard Ukrainian Studies*, 6, 500–528.

Ostapchuk, 1987 — *Victor Ostapchuk*. *The Publication of Documents on the Crimean Khanate in the Topkapı Sarayı: The Documentary Legacy of Crimean-Ottoman Relations*. *Turcica*, 19, 247–276.

Ostapchuk, 2001 — *Victor Ostapchuk*. *The Human Landscape of the Ottoman Black Sea in the Face of the Cossack Naval Raids*. *Oriente Moderno*, n.s. 20(1), 23–95.

Pochekaev, 2019 — *Почкаев Р.Ю.* *Цари ордынские: Биографии ханов и правителей Золотой Орды*. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Евразия.

Pelliot, 1949 — *Pelliot, Paul*. *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or: suivies de Quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en “-ar”*. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1949. (Sér.: Œuvres posthumes de Paul Pelliot, vol. II; ред. и «Avertissement» — Louis Hambis).

Sabitov, 2018 — *Сабитов Ж.М.* «Откуда появился этноним ногай?» *Уроки истории*, № 2(18), Астана, 2018, с. 19–26.

Shpuler, 2016 — *Bertold Shpuler*. *Zolotaia Orda. Mongoly v Rossii. 1223–1502 gg. Perevod s nemetskogo i kommentarii M. S. Gatina. Kazan'*; Institut istorii im. Sh. Marzhani AN RT, 2016, 500 pp.

Sneath & Kaplonski, 2010 — *David Sneath; Christopher Kaplonski (eds.)*. *The History of Mongolia*. Folkestone (UK): Global Oriental.

Somfai Kara, 2010 — *Dániel Somfai Kara*. “Baba Tükli and the Swan Girl: Legitimising Elements in the Turkic Epic Edige.” *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 63(2), 2010, pp. 117–132.

Willerslev et al., 2018 — *Eske Willerslev; Kristian Kristiansen; Evelyne Heyer; Martin Sikora; Rasmus Nielsen*. “137 ancient human genomes from across the Eurasian steppes.” *Nature*, 557(7705), 2018, pp. 369–374.

Wilson, 2022 — *Jack R. Wilson*. “The Role of Nogai in the Golden Horde: A Reassessment.” *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 75(4), 609–637.

Wilson, 2022 — *Jack R. Wilson*. “Nogai the Khanmaker: A Historiographical Problem.” *Golden Horde Review*, 10(2), 332–343

CONTENTS

Kabuldinov Z.E. CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF MASHKHUR-ZHUSSIP KOPEYULY.....	5
Doğanay A., Sambet M.A. REFLECTIONS OF THE AFTERLIFE BELIEF AMONG THE TURKS IN MAUSOLEUM CONSTRUCTION AND DECORATION.....	12
Cherepanov K. KAZAKHSTAN AS AN INDUSTRIAL AND RAW-MATERIAL BASE OF THE SOVIET UNION DURING THE LEADERSHIP OF D.A. KUNAEV (1964–1986).....	26
Azmukhanova A., Balgozhina A. ENLIGHTENMENT MOVEMENTS: JADIDISM AND MEIROKUSHA IN A HISTORICAL RETROSPECTIVE.....	39
Zhumagul S.B. FROM THE REHABILITATION HISTORY OF LITERARY HERITAGE OF THE “ALASH” FIGURES.....	53
Tashagul A., Kopeyeva S.Zh. ACTIVITIES AND SIGNIFICANCE OF THE MUSLIM FRACTION IN THE FIRST AND SECOND STATE DUMAS.....	64
Zhussip S.-Kh.A., Zhumatay S. THE ALL-RUSSIAN CONSTITUENT ASSEMBLY AND THE HISTORY OF THE CREATION OF THE REPUBLIC OF ALASH.....	71
Kemengger K.R. HISTORICAL AND MENTAL-SYMBOLIC MEANING OF THE ARCHETYPE “ALASH” IN THE KAZAKH SOCIO-CULTURAL SOCIETY OF THE XX CENTURY.....	83
Mukanova G.K., Sarsembina K.K. MELODIES OF THE STEPPE: THE REPRESSED CULTURAL FIGURE OF KAZAKHSTAN, COMPOSER IVAN KOTSYK (1891-1938).....	93
Salmorbekova R.B., Saralaev N.K., Murzalieva Z.K. ORTHODOXY IN KYRGYZSTAN: STAGES OF FORMATION AND ROLE IN THE SPIRITUAL LIFE OF SOCIETY.....	110
Tulbassyieva S.K. FROM THE PAGES OF THE HISTORY OF THE SOVIET COLLECTIVE FARM: THE COLLECTIVE FARM “MOUNTAIN GIANT” IN THE CITY OF ALMA-ATA. THE 30S OF THE XX CENTURY.....	122
Khassanayeva L.M. THE ROLE OF THE NATIONAL INTELLECTUALS IN THE POLICY OF NATIONAL TERRITORIAL DELIMITATION.....	139
Dauletkhanov A. ON THE HISTORICAL SITE OF THE CITY OF CHIGU.....	153
Zhengis E.Zh. POPPY CULTURE IN SEMIRECHYE AT THE END OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURY.....	165
Kenzhebekova Zh.K. FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE MEDIATION INSTITUTE IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: PROBLEMS AND SOLUTIONS.....	174
Sholakhov M. ANALYSIS OF THE WESTERN EUROPEAN HISTORIOGRAPHY OF THE NOGAI HORDE.....	181

МАЗМҰНЫ

Қабылдинов З.Е. МӘШХҰР-ЖҮСІП КӨПЕЙҰЛЫНЫҢ МӘДЕНИ-АҒАРТУШЫЛЫҚ ҚЫЗМЕТІ.....	5
Доғанай А., Сәмбет М.Ә. ТҮРКІЛЕРДЕ АҚЫРЕТ СЕНІМІНІҢ МАЗАР ҚҰРЫЛЫСЫНДАҒЫ ЖӘНЕ ОЛАРДЫ БЕЗЕНДІРУДЕГІ КӨРІНІСТЕРІ.....	12
Черепанов К.В. Д.А. ҚОНАЕВ БАСШЫЛЫҚ ЕТКЕН ЖЫЛДАРЫ (1964–1986 ЖЖ.) ҚАЗАҚСТАННЫҢ КЕҢЕС ОДАҒЫНЫҢ ИНДУСТРИЯЛЫҚ-ШИКІЗАТТЫҚ БАЗАСЫНА АЙНАЛУЫ.....	26
Азмуханова А.М., Балгожина А.А. АҒАРТУШЫЛЫҚ ҚОЗҒАЛЫСТАР: ЖӘДИДШІЛДІК ПЕН МЭЙРОКУСЯ ТАРИХИ РЕТРОСПЕКТИВАДА.....	39
Жұмағұл С.Б. «АЛАШ» ҚАЙРАТКЕРЛЕРІНІҢ ӘДЕБИ МҰРАСЫН АҚТАУ ТАРИХЫНАН.....	53
Ташағыл А., Көпеева С.Ж. І ЖӘНЕ ІІ МЕМЛЕКЕТТІК ДУМАЛАРДАҒЫ МҰСЫЛМАН ФРАКЦИЯСЫНЫҢ ҚЫЗМЕТІ МЕН МАҢЫЗЫ.....	64
Жүсіп С.Х.А., Жұматай С. БҮКІЛРЕСЕЙЛІК ҚҰРЫЛТАЙ ЖИНАЛЫСЫ ЖӘНЕ АЛАШ РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ҚҰРЫЛУ ТАРИХЫ.....	71
Кеменгер Қ.Р. XX ҒАСЫРДАҒЫ ҚАЗАҚ ӘЛЕУМЕТТІК-МӘДЕНИ ҚОҒАМЫНДАҒЫ «АЛАШ» АРХЕТИПІНІҢ ТАРИХИ ЖӘНЕ МЕНТАЛДЫҚ-СИМВОЛДЫҚ МӘНІ.....	83
Мұқанова Г.Қ., Сәрсембина Қ.Қ. ДАЛА ӘУЕНДЕРІ: ҚУҒЫН-СҮРГІНГЕ ҰШЫРАҒАН ҚАЗАҚСТАННЫҢ МӘДЕНИЕТ ҚАЙРАТКЕРІ, КОМПОЗИТОР ИВАН КОЦЫК (1891-1938).....	93
Салморбекова Р.Б., Саралаев Н.К., Мурзалиева З.К. ҚЫРҒЫЗСТАНДАҒЫ ПРАВОСЛАВИЕ: ҚАЛЫПТАСУ КЕЗЕҢДЕРІ МЕН РӨЛҚОҒАМНЫҢ РУХАНИ ӨМІРІНДЕ.....	110
Тулбасиева С.К. КЕҢЕСТІК КОЛХОЗ ТАРИХЫНЫҢ БЕТТЕРІНЕН: «ГОРНЫЙ ГИГАНТ» КОЛХОЗЫ – АЛМАТЫ ҚАЛАСЫНДА. XX ҒАСЫРДЫҢ 30-ЖЫЛДАРЫ.....	122
Хасанаева Л.М. ҰЛТТЫҚ ЗИЯЛЫЛАРДЫҢ ҰЛТТЫҚ-АУМАҚТЫҚ МЕЖЕЛЕУ САЯСАТЫНДАҒЫ РӨЛІ.....	139
Дәулетханов Ә.Д. ЧИГУ ҚАЛАСЫНЫҢ ТАРИХИ ОРЫНЫ ТУРАЛЫ.....	153
Жеңіс Е.Ж. XIX ҒАСЫРДЫҢ СОҢЫ - 20 ҒАСЫРДЫҢ БАСЫНДАҒЫ ЖЕТІСУДАҒЫ КӨКНАР ЕГІНШІЛІГІ.....	165
Кенжебекова Ж.Қ. ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ МЕДИАЦИЯ ИНСТИТУТЫНЫҢ ҚАЛЫПТАСУЫ МЕН ДАМУЫ: МӘСЕЛЕЛЕРІ ЖӘНЕ ОЛАРДЫ ШЕШУ ЖОЛДАРЫ.....	174
Шолахов М.Г. НОҒАЙ ОРДАСЫНЫҢ БАТЫСЕУРОПАЛЫҚ ТАРИХНАМАСЫН ТАЛДАУ.....	181

СОДЕРЖАНИЕ

Кабульдинов З.Е. КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАШХУР-ЖУСИПА КОПЕЙУЛЫ.....	5
Доганай А., Самбет М. ПРОЯВЛЕНИЯ ВЕРЫ В ЗАГРОБНУЮ ЖИЗНЬ У ТЮРКОВ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ И УКРАШЕНИИ ГРОБНИЦ.....	12
Черепанов К.В. КАЗАХСТАН КАК ИНДУСТРИАЛЬНО-СЫРЬЕВАЯ БАЗА СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ГОДЫ РУКОВОДСТВА Д.А. КУНАЕВА (1964–1986 ГГ.).....	26
Азмуханова А.М., Балгожина А.А. ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ДВИЖЕНИЯ: ДЖАДИДИЗМ И МЭЙРОКУСЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ.....	39
Жумагул С.Б. ИЗ ИСТОРИИ РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ДЕЯТЕЛЕЙ «АЛАШ».....	53
Ташагыл А., Копеева С.Ж. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКОЙ ФРАКЦИИ В I И II ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ.....	64
Жусип С.Х.А., Жуматай С. ВСЕРОССИЙСКОЕ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РЕСПУБЛИКИ АЛАШ.....	71
Кеменгер К.Р. ИСТОРИЧЕСКОЕ И МЕНТАЛЬНО-СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ АРХЕТИПА «АЛАШ» В КАЗАХСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ XX ВЕКА.....	83
Муканова Г.К., Сарсембина К.К. МЕЛОДИИ СТЕПИ: РЕПРЕССИРОВАННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ КАЗАХСТАНА, КОМПОЗИТОР ИВАН КОЦЫК (1891–1938).....	93
Салморбекова Р.Б., Саралаев Н.К., Мурзалиева З.К. ПРАВОСЛАВИЕ В КЫРГЫЗСТАНЕ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РОЛЬ В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА.....	110
Тулбасиева С.К. ИЗ СТРАНИЦ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО КОЛХОЗА: КОЛХОЗ «ГОРНЫЙ ГИГАНТ» В ГОРОДЕ АЛМА-АТЫ. 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА.....	122
Хасанаева Л.М. РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПОЛИТИКЕ НАЦИОНАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ.....	139
Даулетханов А.Д. О ИСТОРИЧЕСКОМ МЕСТЕ ГОРОДА ЧИГУ.....	153
Женис Е.Ж. КУЛЬТУРА МАКА В СЕМИРЕЧЬЕ В КОНЦЕ XIX - В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	165
Кенжебекова Ж.К. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ.....	174
Шолахов М.Г. АНАЛИЗ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НОГАЙСКОЙ ОРДЫ.....	181

Редакцияның мекен-жайы:

010000, Қазақстан Республикасы, Астана қаласы, Қабанбай батыр даңғ., 11/5
Қазақстан және Орталық Азия тарихы институты
Scientific Journal “Central Asian courier” редакциясы

Сайтқа сілтеме: <https://sjcacourier.com/>

Тел.: +7 (776) 301-11-11 (Ұялы телефон)
+7 (775) 537-77-72 (whatsapp)

E-mail: hkca.kz@gmail.com

Журнал Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігінде
2025 ж. 20 маусымда тіркеліп, № KZ20VPY00122471 куәлігіне ие болды.

Мақалаларды қайта бастырып жариялағанда, микрофильмге және басқа да көшірмелерге
түсіргенде міндетті түрде журналға сілтеме жасау қажет.